

АКСИ СТАРК & РЕЙДЖЕЛ ЛЕВИ

СЕРПЛЫ

Акси Старк
Серплы

«Accent Graphics communications»

2015

Старк А.

Серплы / А. Старк — «Accent Graphics communications», 2015

2095 год. На Земле назревает война между обычными людьми и серплами – новым совершенным видом. В один день юная Кейт, одна из немногих, оставшихся на планете людей, осознает, что вся ее жизнь, не более чем иллюзия, о существовании которой она не подозревала. Она оказалась одним из экспериментов безумного гения, создавшего серплов. Внутри Кейт он спрятал совершенный ген, и теперь выстраивает цепь, обрушившихся на нее событий так, чтобы спровоцировать раскрытие ее сверх способностей. Ее зовут Кейт Блейк. Она – ключ к его бессмертию. Ее жизнь безвозвратно поделилась на до и после. Теперь она самое опасное и смертоносное создание на планете. Она – решающий элемент в смертельной битве за человечество!

© Старк А., 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Prologue	6
Chapter one	7
Chapter two	14
Глава вторая	22
Chapter three	29
Chapter four	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Акси Старк & Рейджел Леви Серплы

СЕРПЛЫ

SURPLES

Russian Translation

By

AXI STARK **RAGEL LEVI**

АКСИ СТАРК & РЕЙДЖЕЛ ЛЕВИ

COPYRIGHT © 2015 AXI STARK LLC. ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ

Предупреждение

Это художественное произведение. Имена, персонажи, компании, места, легенды, события и происшествия являются вымыслом автора. Любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми; с реальными событиями случайно.

Любая часть этого произведения не может быть скопирована, распространена или передана в любой форме любыми средствами, включая: фотокопирование, запись или любые другие электронные или аналоговые методы, или при помощи любой системы хранения и поиска информации без предварительного письменного разрешения издателя. Допускается краткое цитирование произведения в критических обзорах и в некоторых других некоммерческих целях, разрешенных законом об авторском праве.

Книга, дизайн обложки и издание Axi Stark LLC

Prologue

Сегодня 16 августа 2095 года. Меня зовут Кейт Блейк. Мне 17 человеческих лет. Я живу в мире, где люди уступили место новой расе – серплам.

Между нами негласная война, которую никто открыто не объявлял, но ни серплы, ни люди не хотят существовать вместе. Люди считают серплов искусственными бездушными куклами. Серплы относятся к людям, как к пережиткам прошлого, как к хламу для утилизации. Людей осталось мало и мы держимся обособленной группой.

Около семидесяти лет назад люди изобрели технологии, на основе которых можно было вмешаться в процесс формирования зародыша. На тот момент, из-за ухудшающейся экологической обстановки, генномодифицированных продуктов и других факторов люди перестали приносить здоровое потомство. Каждое следующее поколение рождалось более слабым и более больным.

На основе ДНК человека ученые создали новый, более совершенный, вид людей – Серплы. Но они не взяли в расчет один маленький нюанс. Было кое-что не подвластное всей современной науке и технологиям: то, что невозможно создать искусственным путем; то, что мы привыкли называть Душой... может потому, что у серплов ее просто нет... или, по крайней мере, так нас учили.

Chapter one

Небеса цвета пепла

*Оставил я поля и горы,
Окутанные тьмой ночной.
Открылось внутреннему взору
То лучшее, что движет мной.
В душе, смирившей возделенья,
Свершается переворот.
Она любовью к провиденью,
Любовью к ближнему живет.*

Иоганн Вольфганг Гете. Фауст

Яркий свет, белый словно снег, слепил даже сквозь опущенные веки. Я поморщилась и слегка приоткрыла глаза. В голове сразу стрельнуло: я зажмурилась сильнее и повернула голову набок. По щеке, прочерчивая блестящую дорожку, скатилась слеза. Я не хотела их открывать, не хотела просыпаться и возвращаться в реальный мир. Потому что мир без Кейла реальным быть не мог. Я заскулила что-то невнятное, сжимая челюсти до онемения. Боже!!! Кажется, изобрели все, что только можно, но так и не придумали средство от душевной боли. Я рыдала до тех пор пока не отключилась...!

Вроде бы, был вечер, когда я проснулась, хотя я бы предпочла заснуть навсегда. Не без усилий, я, все же, заставила себя открыть глаза.

Сумерки медленно обволакивали здания, окрашивая линию горизонта кроваво-красным. Все то же пепельно-серое небо; грозовые тучи огромными, рваными клоками цепляющие шпили самых высоких зданий, то тут, то там. Мне казалось, еще немного – оно упадет и раздавит меня.

Вокруг, словно стая мошкар над подгнившими фруктами, летали автофлаи: где-то, недостижимо далеко, собираясь в местах дорожных заторов черными пятнами, словно дыры в бесцветном небе. Черно-белый мир лишенный красок. Лишенный Кейла.

Я медленно перевела взгляд в сторону: исследуя свою комнату, словно видела ее впервые, попыталась понять какое же сегодня число. Сколько времени прошло с того дня? Недели, может быть месяцы... После того как погиб Кейл, я перестала чувствовать время, я вообще перестала чувствовать. На смену жгучей боли, пожирающей меня изнутри, пришла пустота. Кажется, я умерла... мое сердце остановилось вместе с его.

Я снова, словно подвергся себя пытке, в который раз, вернулась ко дню аварии и стала прокручивать в голове события, как старую киноленту. Я должна была что-то сделать, чтобы предотвратить, спасти его, но я не смогла. Мысли все время путались, как клубок старых гнилых ниток и, кажется, что я пыталась прорваться сквозь непроходимый туман.

Скудные обрывки воспоминаний ужасающими картинками проносились перед моими глазами.

Я ждала Кейла у огромного входа в «Солнце». Внутри бара громко играла музыка, крогеры вертелись и шныряли над головами подростков, толпившихся у бара. «Солнце» светило так ярко, что мне приходилось заслоняться руками. Золотистая стеклянная сфера отражала мерцание ночного Обливиона, словно, это действительно была огненная планета.

На фасаде, с периодичностью в несколько секунд, показывали рекламные ролики, которые было видно со всех четырех округов. «Солнце» располагалось в самом центре четвертого.

У дверей собралась молодежь, подергиваясь в экстазе перед грядущей вечеринкой. Рядом со мной стоял парень с малиновыми волосами и пирсингом во всех возможных местах. Его глаза были обильно накрашены, а на губах была помада отвратительно цвета мха: кажется, это был самый последний тренд – зеленые оттенки.

У входа остановился черный флай. Двери вспорхнули ввысь и на прозрачную дорожку к входу вышла пара серплов. Меня чуть не вырвало. За это я и ненавидела четвертый округ – нейтральную зону, где эти генномодифицированные выродки могли спокойно гулять среди людей. Их флай спешно опустился вниз и встал в одну из парковочных ячеек в нижнем уровне.

Девушка ступила на прозрачный пол и поправила длинные каштановые волосы, стекающие по плечам до поясницы крупными локонами. Вблизи ее красота оказалась еще безупречней. Ее кожа была ровного сливочного цвета, без единого изъяна: такая бывает у младенцев. Точеная фигура, тонкие черты лица и глаза цвета горчичного меда. Она была совершенна внешне, впрочем, как и ее спутник и любой другой серпл. Молодой человек с наслаждением вдохнул запах ночного города, алкоголя и наркотиков. Он бросил на меня взгляд от которого все внутри замерзло, взял девушку за руку и они скрылись за занавесом из переливающегося тумана и света.

Я, затаив дыхание, оглядывалась по сторонам и вытерла вспотевшие ладони о брюки. Сегодня мы не собирались заходить внутрь, просто условились встретиться здесь. «Солнце» находилось в нескольких минутах полета от арены «Musculus Heat», а в народе ее называли просто мясорубка.

«Мясорубка» получила свое недвусмысленное название вполне заслуженно и именно по этой причине меня колотила дрожь, такая сильная, что стучали зубы. Назови это как хочешь: предчувствием или интуицией. Я, впервые за все время участия Кейла в гонках, так сильно нервничала. Эта должна была быть последней в сезоне и победитель получал огромный денежный приз. Даже не смотря на это, я все еще надеялась отговорить его от этой затеи, понимая, что он не отступится: Кейл упрямый тип.

Он подкрался сзади, пока я рассматривала серебристые рожки на лбу у лысого парня, и обвил меня руками, нежно прижав к себе. Тепло волнами разлилось по телу, и я откинула голову ему на грудь. Он здесь! Сердце застучало как безумное. Мои белые волосы сейчас казались золотисторыжими, отражая оранжевые огни «Солнца».

– Я соскучился, – произнес Кейл.

Его голос нельзя было назвать совершенным, скорее наоборот. Он был слишком грубым и хрипловатым, но таким особенным и таким знакомым, что каждый раз, когда я слышала его, внутри все теплело. Он прикоснулся губами к шее и коже за ухом. По мне разлилась волна, согревая, словно я закуталась в теплый мягкий плед. Я развернулась к нему лицом и сразу застыла, теряя себя в огромных изумрудных глазах, похожих на два леденца... и эти черные, похожие на щетки ресницы.

Кейл был восхитительным. Настолько восхитительным насколько может быть человек с маленькими несовершенствами, что составляли его уникальность: едва заметная родинка над губой, мелкие веснушки на прямом носу, старый шрам на левой щеке – напоминание о наших безумных вылазках на Землю. Свет мягко стелился по его плечам, ложился на линию высоких скул и придавал его смуглой коже бронзовый, почти нереальный оттенок.

– Скоро все наши мечты осуществляться, – проговорил он. Глаза Кейла сверкали, как два драгоценных камня. Этот взгляд мне был хорошо знаком с самого детства: взгляд хищника за секунду до прыжка.

Я подавила нервную дрожь и даже заставила себя улыбнуться, нежно погладила пальцами по волосам цвета темного, горького шоколада. Они торчали в разные стороны: растрепанные ветром. Волосы Кейла были жесткими на ощупь и очень непослушными, поэтому он практически всегда носил короткую стрижку. Я иногда шутила над ним и дразнила: «куда хочу туда

торчу»... мой Кейл. Вместе мы выросли. Вместе прошли многое: аресты, аварии, недели в госпиталях и изгнание из первого округа. Он был для меня всем. Моим братом, другом, подругой и учителем. Всем!

– Кейт?! – он прервал поток моих мыслей легким касанием шершавых пальцев, пальцев которые умели все, которым подчинилась сталь в его мастерской. – Что происходит, искорка?

Искорка... я улыбнулась своему прозвищу. Кейл назвал меня так много лет назад, когда мы играли в «захватчиков» в темных подземельях первого округа, почти у самой земли. Главное условие – полная темнота. Я всегда выдавала свою команду, тем что искрилась и билась током, и все сразу распознавали наше местонахождение. Я и не подозревала, что, совсем скоро, опыт невинной детской игры спасет нам жизни...!

– Еще не поздно сказать нет, – произнесла я: тяжело, будто выжигала эти слова по дереву. – Пожалуйста, сделай это ради меня!

Кейл выглядел озадаченным и удивленным.

– Я делаю это ради тебя, ты же знаешь! – он тревожно прошелся зелеными глазами по моему лицу, рассматривая меня так, словно видел меня впервые. – Мы не можем отказаться. Контракт подписан, это мой шанс, наш шанс! – Кейл несколько раз провел рукой по волосам и глянул на меня горящими глазами. – Я выиграю, у меня получится. Ты же знаешь, я лидирую, и рейтинги зашкаливают!!

Он не отступится от своей мечты, не сейчас, не перед решающим броском. Отступила бы я?! Наверное, нет. На кону его билет из трущоб первого округа, откуда практически никто не выбирается наверх. Каждый мускул на красивом лице Кейла был напряжен, пока он ждал. Не разрешения, нет. Ему нужна была моя поддержка, рука друга, на которого он всегда мог положиться.

В любом случае он не оставил мне выбора. Решение было принято, назад пути нет. Кейл появился на арене случайно, организаторам срочно нужна была замена, после того как очередной гонщик превратился в мешок с костями. Его поставили, как пешку, и, в ту же гонку, он пришел первым оставляя публику трепетать. Я не знаю, что случилось в его жизни сперва: кажется, он сделал первые шаги одновременно с тем как сел на флай. Так как он умеет управляться с этой штукой просто чудеса. К тому же, Кейл очень красив и харизматичен. Его энергия опьяняет людей.

– Хей, – он взял меня за худые угловатые плечи и я увидела свое отражение в его глазах, в моих прочиталось отчаяние.

– На кону твоя жизнь! На планете может стать на одного человека меньше!

Кейл самоуверенно вскинул подбородок кверху и воскликнул:

– Просто верь в меня, это то в чем я нуждаюсь больше всего!

– Я верю, – только и смогла выдавить я голосом похожим на шорох опавших листьев.

Кейл взял меня за руку и крепко сжал, как-будто говорил, что все будет хорошо. Он сел на мотофлай и приподняв брови улыбнулся.

– Время побеждать!

Флай Кейла стремительно поднялся вверх и виртуозно встроился в воздушный поток. Мы мчались вперед: лавируя между машинами, подныривая под них и облетая их сбоку. Он никогда не соблюдал правила, но при этом и не создавая аварийных ситуаций. Как он это делал, для меня было одной из загадок.

Я обхватила его грудь руками и прижалась щекой к спине, сквозь рев мотора различая его дыхание. Широкая грудь опускалась и поднималась и где-то там, под моим ухом, билось его сердце. Мне хотелось говорить с ним, все равно о чем, лишь бы говорить и слышать его голос, но я так и не смогла выдавить ни слова. Просто прижалась к нему и слушала, как он дышит.

Когда мы подъехали к арене, кровожадная толпа цветными ручейками вливалась внутрь. Тысячи и тысячи серплов пришли увидеть, как кто-то свернет себе шею, а очередной гонщик

превратится в обугленную мумию. Я не помню игры, чтобы ничего не произошло, ведь именно в этом и была суть. На арене действовал один закон – закон природы. Выживал сильнейший. Оглянувшись кругом, я проскользила взглядом по рядам красивых, словно кукольных лиц. Основными зрителями были серплы – бездушные твари. Их красоту можно было сравнить с великолепием ядовитых змей или изысканностью белых акул. Только они способны наслаждаться подобным зрелищем, зная что до финиша не доедет и половина из гонщиков.

Я огляделась вокруг. Повсюду были развешены плакаты с участниками и их номерами. Кейл шел под номером 8. На фотографии он казался еще красивей: смуглый зеленоглазый брюнет в гоночной экипировке, улыбался с нее обнажая ровные белые зубы. Кейл довольный тем, как он выглядел на плакатах, поиграл бровями. Я пнула его локтем в бок.

– Выпендрей не твой конек!

– Я все еще учусь, – он засмеялся и поправил майку, приоткрывающую часть его «v» образного рельефа внизу живота.

Мы зашли через задний вход, предназначенный для участников и персонала. Массивные металлические двери создавали гнетущее впечатление, словно мы пытались проникнуть в тюрьму особо строгого режима. Длинный темный коридор был освещен панелями, источающими красноватый свет. Я съежилась и прижалась к Кейлу сильнее. В конце забрезжил свет, и, вскоре, мы вышли в большой зал напоминающий амбар, где собрались все участники.

До старта оставалось меньше получаса, Кейла усадили на стул, облепив со всех сторон. Худой, похожий на ожившего зомби, парень с сверкающими косами сбрызгивал его волосы лаком, другой мазал лицо Кейла какой-то субстанцией, а третий обсыпал проклятьями двух других, пытаясь прилепить ему камеры и микрофоны похожие на бесцветные рисовые зернышки.

Я вздрогнула, в голове завибрировало, когда прогремел первый звонок, как похоронный колокол. Гонщиков собирали у старта. Кейл встал со стула и в два широких шага оказался рядом. Я со своим ростом, в полтора метра, едва доставала ему до плеч и казалась рядом с ним подростком лет двенадцати-тринадцати. Кейл всегда откалывал шутки в мой адрес по поводу внешности. Он смеялся и говорил, что я самое опасное оружие придуманное природой и тем опасней, чем безобидней я выглядела. Белые, как снег прямые волосы; голубые глаза на смуглом лице; маленький, немного вздернутый кверху нос и пухлые губы. Свои губы я ненавидела, они были слишком большими для моего лица и, к тому же, верхняя губа немного выступала над нижней.

– Не грусти, искорка, – Кейл обвил меня сильными руками, такими горячими и родными и крепко прижал к себе. Я пискнула и, кажется, перестала дышать, отсчитывая последние секунды вместе, под стук его сердца, – мне пора, – тихо прошептал он наклонившись к уху, и я поняла, что крепко вцепилась в него, словно обезьянка. Руки, просто-напросто, отказывались повиноваться и ему пришлось помочь мне. Пальцы соскользнули с мускулистой спины, и все внутри превратилось в ледяную глыбу.

Он посмотрел на меня в последний раз: взглядом полным нежности и теплоты, взглядом полным жизни и солнечного света. Он быстро взял мое лицо в большие ладони: шершавые и грубые, и поцеловал меня в губы, наполняя мои легкие ароматом бергамота, мускатного ореха и просто миндального мыла, которым он любил умываться.

– Я тебе никогда не говорил, как ты прекрасна, когда грустишь, – прошептал Кейл мне в рот.

– Я никогда не грущу без повода, – ответила я не открывая глаз.

– Я тебе его не дам, обещаю, – вдруг Кейл отстранился, я распахнула глаза, запоминая каждую деталь его лица и наши пальцы расцепились.

– Не уходи, – прошептала я одними губами, не отпуская его взглядом. Кто-то уже толкал Кейла к выходу на арену. Его голова с темными торчащими вверх волосами затерялась среди гонщиков и вскоре он пропал из виду.

* * *

Прожектора светили до невозможного ярко и, наверное, от этого мои глаза нещадно слезились. Я перевела дыхание; сделала глоток сухого, пыльного воздуха и посмотрела на линию старта. Двадцать пять мотоциклов уже стояли там, готовые к сигналу. Гонки на выживание были самым популярным развлечением последние годы и с каждым новым сезоном набирали популярность. В этот раз организаторы выбрали особо опасную трассу, воссоздав на арене холмы, скалы и обрывы с пещерами и ущельями. Первое и единственное правило – никаких правил. Выигрывает сильнейший, хитрейший и быстрееший.

По земле люди перестали ездить давным давно. Поэтому эти соревнования экзотичные и захватывающие. Это борьба на выживание, одно неверное движение и ты труп. Толпа гудела, рычала и кричала, словно стая стервятников поджидающих скорого конца добычи. Они скандировали имена лидеров. Громче всех звучало имя Кейла и другого гонщика по имени Бодд. Вне сомнений, их специально поставили рядом друг с другом.

По мне пробежала дрожь, когда я взглянула в искаженное злобой лицо Бодда. Его мускулистое тело сжалось в готовности. Как же трудно не ненавидеть серплов, когда эта мерзкая стая шакалов вытесняет людей. Нас становится все меньше. Они сильнее нас, и люди по сравнению с их физическими способностями ничтожны. Кто-то говорит, что они умнее, но вот с этим я бы поспорила.

Их история началась десятки лет назад. В начале двадцать первого века люди остро столкнулись с проблемами воспроизведения. Многие люди рождались бесплодными, те кто был фертильным, рожали больных и слабых во всех отношениях детей: аутизм стал огромной проблемой.

Вслед за этим появился еще один недуг, названный в честь генетика Карла Моргана. Люди стали прибегать к искусственному оплодотворению. Появились первые дети из пробирок. Даже те немногие особи, появившиеся естественным путем, имели слабое здоровье, низкий иммунитет, плохие интеллектуальные способности.

Почти у каждого ребенка была аллергия и отклонения развития. Каждый год ситуация ухудшалась, и тогда возник острый вопрос о сохранении человеческого вида. Принципиальный, этический вопрос отпал сам собой. Самые великие умы бились над разрешением этой задачи, геновая инженерия шагнула вперед. Удалось вывести новый вид человека. С крепким здоровьем, сильным телом, блестящим умом. Воодушевленные успехом они не остановились. Развивая и совершенствуя знания, они научились создавать эмбрионов определенного пола, веса, роста.

Теперь родители шли за ребенком, как в магазин за новой вещью, определяя как должен выглядеть их ребенок, какими способностями обладать. Их выращивали в специальных лабораториях с красивым названием «Скай» (Небеса). Человек стал хрупким созданием, негласно занесенным в красную книгу. Вся верхушка власти, каждая ячейка правительственного аппарата была занята серплами. Выбор – это то, что осталось у людей и небольшая группа сделала свой, считая, что на то есть божья воля или воля судьбы, назови это как хочешь.

Со временем, религиозный подтекст стерся, а появились два лагеря: серплы и люди. Группа людей меньше, по сравнению с серплами. У нас есть свое собственное телевидение, где каждый день рассказывают ужасы, что они творят – эти беспощадные, злые создания.

Нам постоянно говорят о том, что отсутствие самоконтроля и вспыльчивость – главная черта всех серплов, так сказать, побочный эффект. Я сторонилась их и, если видела одного

из серплов, старалась обходить их за километр. Мы живем вместе бок о бок, прикрываясь иллюзорной маской взаимоуважения. Наш мир такой же зыбкий и уязвимый, как мы сами.

Сейчас ситуация стала особо напряженной. Участились случаи исчезновения серплов. В средствах массовой информации постоянно муссируют тему человеческого заговора. В общем, особого мира между нами нет и не было. Бабушка говорит, что когда-то все было по другому и с нежностью вспоминает о своем бойфренде юности, который был серплом.

Рядом со мной, на пустующее место, присел мужчина в белом костюме и шляпе. От него так резко пахло парфюмом, что меня замутило. Обернувшись на него я застыла. Мужчина кивнул мне в знак приветствия и на все его бледное лицо растянулась улыбка, словно он встретил друга, которого не видел уже лет сорок.

Вдруг громыхнуло, и я сразу забыла о неприятном соседстве. Резкий звук взорвал воздух и, кажется, мое сердце взорвалось вместе с ним. Бодд поднял свою ладонь и сделал знак обращаясь к Кейлу: ты покойник. Я всцепилась в кресло пальцами так, что натянутая кожа стала бесцветной. Казалось душа вышла из меня. Я не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть, даже пошевелиться не могла.

Кейл проигнорировал его, он был как всегда невозмутим, сосредоточен: была цель и был Кейл. Больше, в его мире, сейчас не существовало ничего. Каждый изгиб его тела говорил о том, что он в игре, готов к старту, к победе. Уверенна: у себя в голове он прокручивает картинку своей победы, как брызги шампанского взлетают в воздух, и он получает чек на круглую сумму.

А я не замечала ничего кроме безумного блеска в глазах Бодда. Мне было страшно, и это был животный страх, когда все мое существо предчувствовало недоброе.

Старт. Бешеный визг шин и тонны вонючей пыли, клубами рванувшей вверх, поглощая гонщиков. Звук ревущих двигателей стал удаляться, и когда облако рассеялось, я впиалась взглядом в огромный экран, не переставая кусать свою нижнюю губу и раскачиваясь в кресле, словно пытаясь хоть как-то успокоить себя.

Кейл лидировал. Он был создан побеждать, в этом весь он. Я нервно кусала губы, и задерживала дыхание каждый раз, когда он выделявал очередной пируэт, пролетал над пропастью в идеальном сальто. Вот, сзади приблизился другой гонщик, под номером пять. Для меня они были не более чем цифры на треке. Из облака грязной пыли, словно из неоткуда, появился Бодд и резко приподнявшись на байке, четким ударом ноги, обутой в массивные черные ботинки, сбил «пятого» с байка.

Толпа взорвалась радостным криком, словно опьянев от зрелища. На экране мелькнул зеленый шлем «пятого», его байк врезался в выступ скалы, и парень отлетел на несколько метров прямо на трассу. На экране крупным планом показали его тело, распластанное на острых камнях; кровь на рыхлой земле и кость торчащую из правой голени.

Я приподнялась со скамьи, чувствуя что ни жива, ни мертва, а многотысячная толпа застыла в ожидании. Я закрыла рот руками, когда он попытался отползти с дороги, и, в последний момент, раздался яростный рев мотора, экран разделился на две части: первая показывала его с расстояния в метр, а другая, прикрепленная где-то на его шлеме, открывала нам то, что видел гонщик. Защитное стекло его шлема разбилось и камера выцепила его взгляд в ту секунду, когда на него наехал гонщик под номером «21».

Большой экран оросился его кровью, вторая половина показывала расчлененное пополам тело. Верхняя часть валялась у обочины разбросав руки, как сломанная игрушка. Вторая половина, а точнее то, что осталось от его ног, завернутых в кровавый узел, все еще лежала посередине. Я запищала от ужаса, дрожь была такая, что зубы стучали, а толпа орала, словно взбесившаяся.

Следующий гонщик вылетел на трассу и увидев остатки тела, попытался увести свой мотоцикл в сторону и потерял управление. Семнадцатый номер ударился о ограждение и

закрутился в воздухе, сбивая на своем пути еще троих: четвертый, двенадцатый и пятый. Толпа заревела еще громче: восторженно и злорадно.

Во рту появился соленый омерзительный вкус крови от того, что я прикусила губу. Большой экран показал крупным планом лицо Бодца, его смеющиеся глаза, и только сейчас я поняла, что меня в них так пугало. Они были темного цвета, почти черные, словно крысиные глаза-бусины. Белая кожа и острый маленький нос. Он выглядел жутко. Крупный рот Бодца растянулся в ликующей ухмылке, и он сделал резкий маневр прижимаясь к Кейлу.

Они приблизились к той части трассы, где я могла видеть их самостоятельно. Кейл подпрыгнул на трамплине, и я закрыла глаза руками, словно пыталась спрятаться от кошмара, но не смотреть было еще страшнее. Я открыла их, в тот момент, когда Кейл, прокрутившись в воздухе три раза, приземлился подкинув руки кверху, зрители в экстазе заскандировали его имя. Кейл засмеялся, поглощенный моментом, ликованием толпы и секунда замешательства оказалась роковой.

Сзади, на него приземлился Бодд, сбивая Кейла. Их мотоциклы сцепились вместе кружась в смертельном танце. Клубы пыли застилали видимость. В следующую секунду я осознала, что это вовсе не пыль, а черный едкий дым. Вдруг раздался взрыв, и языки пламени прыгнули к небу, стараясь лизнуть облака.

Я закричала, это был ужасный звук, нечеловеческий, он рвался из груди и легких, раздирал мою гортань, вырываясь наружу. Я поняла, что не могу вдохнуть, задыхаюсь, и слезы текут по щекам, пока я пробивала себе путь к арене, сквозь ублюдков. Было тихо, толпа замерла и умолкла на мгновение, даже стадо падких на зрелища выродков затаило дыхание.

Не чувствуя ног, я неслась вниз, через них, перепрыгивая через заграждение к Кейлу. Не знаю откуда в моем тщедушном теле появилось столько силы, но я смогла вырваться из лап здорового охранника, который пытался меня схватить, оставив в его руках куртку. Истошно выли сирены спасателей, разрезая воздух словно лезвием ножа. В воздухе витал запах гари и смерти, вкус страха. Все было объято огнем. Дым щипал глаза и разъедал кожу.

Едва различая силуэты, я увидела Кейла с обугленной плотью, местами до самых костей. Он лежал недалеко от байка охваченный огнем. Я сделала маленький резкий вдох, прикрываясь рукавом, чтобы хоть как-то восполнить недостаток кислорода и закашлялась. Дым облепил гортань, забрался в нос и заполнил легкие. Я стала задыхаться, понимая что еще немного и я потеряю сознание. Несколько секунд – возможно это все, что у меня осталось, подумала я и шатаясь шагнула в огонь.

Тысячи языков пламени вонзили в меня свои жала, и жгучая боль охватывала каждый сантиметр меня. Казалось даже мои внутренности стали плавиться, я не могла дышать. Из последних сил я схватила Кейла за куртку и потянула, он оказался тяжелым, просто не подъемным. Теряя сознание я упала рядом с ним на колени и уже ничего не различая. Кто-то схватил меня, а я держала тело Кейла, вцепившись в него, как будто если я отпущу его, то никогда его не увижу.... а ведь я больше никогда его не увижу...

Chapter two

Love Me When i Gone

Тусклый свет, белый потолок, светло-серые ширмы и прозрачные трубки, торчащие из меня, словно я вышла из фильма ужасов. Я лежала в палате интенсивной терапии – все вокруг было бесцветным и холодным. Белые стены палаты, белый халат медсестры, белые простыни и белый пол... Вскоре у меня перед глазами все слилось в одно белое пятно. Я замычала и попыталась повернуть голову. Затекшая шея и отвыкшие мышцы заныли – даже от незначительного движения все поплыло и меня затошнило.

Совсем рядом издавал писк аппарат, он медленно оповещал о ритме моего сердца. Я попыталась сфокусировать взгляд хоть на чем-то имевшем цвет: бледно-зеленое одеяло цвета трупной ткани, красный огонек на мониторе и опять белое... лицо мамы – изнеможенное, испуганное. В палате стоял запах остывшего кофе, хлорки и медикаментов, но самым отвратительным был другой запах – здесь пахло разбитым сердцем и мертвыми мечтами.

Мама привстала на стуле и поправила помятое платье. Ее глаза наполнились слезами, когда она нежно накрыла мою руку своей. Я умоляюще посмотрела на нее не в силах разлепить потрескавшиеся губы, пытаюсь найти в ее глазах ответ на один единственный вопрос раздирающий мою душу на части.

– Кейл, – прошептала я. Губа лопнула и во рту появился соленый привкус боли. Мама чуть заметно поджала губы.

Мир рухнул... я стала падать в бездонную пропасть. Кто сказал, что ада нет?! Я издала дикий визг, обожженные связки полыхнули огнем, слезы ядовитым потоком потекли по щекам на подушку, прожигая меня насквозь. Аппарат тревожно запищал, отдаваясь резью в ушах. Послышался звук открывающихся дверей и быстрые шаги медсестры. Снова укол... снова туман.

Я слышала рядом голоса, видела скользящие тени и не могла пошевелиться, находясь словно в чистилище – тюрьме мой души, где всегда темно и пусто. Я кричала пытаюсь вырваться наружу, скребла ногтями по невидимым стенам, но мое тело лежало бездвижно, а губы даже не пошевелились.

Зачем они это делают со мной?! Зачем запирают меня в моем сознании?! Я сбилась со счета сколько раз меня погружали в сон, мама говорила, что так лучше восстановится мое тело. Я не чувствовала физической боли, хотя большая часть тела была сожжена, только невыносимый огонь внутри, пожирающий меня, раз за разом прогрызающий в сердце дыру. Мне кажется моя душа и сердце сгорели в тот день, и теперь моя жизнь тлеет, как угли в потухшем костре.

Я осталась в одиночестве, где не было ничего кроме пустоты. Я хотела, чтобы они перепутали дозировки, и я заснула навсегда. В звенящей тишине я слышала лишь свое неровное дыхание и стук сердца похожего на трепыхание крыльев умирающей бабочки, пригвожденной к куску картона.

* * *

В тот день, когда мне разрешили вернуться домой было душно. Липкая жара лизала кожу оставляя на ней капли пота. Наверное, наступило лето. Госпиталь занимал целый ярус в нижнем уровне третьего округа, но даже отсюда открывался вид на громадные здания сплошь из стекла и металла, которые торчали вверх, словно сверкающие спицы. Между ними бежали серебристые ленты автострад и синие сияющие нити Тринити-ривер и Рио Анджелес, которые почти пересекались в центре, образуя две дуги похожие на крылья ангела.

Мне было страшно зайти в свою комнату, где каждая вещь напоминала о нем. Макет нашей курсовой, пожелтевшая открытка в рамке и фотографии тусклыми голограммами дробили светлые стены на отсеки. На белоснежном кресле желтели пятна от любимого апельсинового джема Кейла. Не было сил даже дышать и каждый стук сердца болью отдавался в висках. Сейчас я не могла представить, как мне жить дальше.

Кажется прошла неделя, может быть больше. Время перестало для меня существовать, а может я перестала существовать для времени. Постоянно заходила мама, задавая одни и те же раздражающие вопросы о моем самочувствии. Это походило на постоянное жужжание, словно вокруг летал рой назойливых мух, но она выглядела так встревоженно, что каждый раз когда я хотела прогнать ее, внутри все сжималось, как если бы я наелась червяков.

Маленькое бледное личико мамы, когда-то принадлежало полной жизненной энергии женщине с копной светлых волнистых волос и глазами такими синими, что они отливали лиловым. Теперь, она была похожа на одну из неудачных восковых фигур с свалывшимися не опрятными волосами и вечно красными глазами. Конечно она плакала. Плакала когда я сутками спала, когда не выходила из комнаты, когда она слышала мои всхлипы и когда я отказывалась от еды.

Мой желудок не желал принимать пищу, изредка мне удавалось проглотить хоть небольшой кусочек. Вся еда на вкус напоминала резину, в лучшем случае остывший кисель. Время остановилось и лишь день сменяющий ночь говорил о том, что где-то там, жизнь продолжается. Только не для него, а для меня?

* * *

Наверное уже прошло много времени, тело полностью восстановилось, но я так и не смогла заставить себя выйти из комнаты. В ней было темно как в подzemелье потому, что большие окна были затемнены почти полностью, пропуская лишь немного естественного света.

В один из таких дней я проснулась и нехотя открыла глаза. И я снова одна в комнате со своими страхами. Один на один со своей болью. Моя спутница – пустота. На кровати, рядом со мной, стоял поднос с чашкой кофе и красным конвертом. На нем была дата – шестнадцатое августа. Значит прошло уже пять месяцев, так больно, как будто это было вчера. На конверте светлела печать Пристронского университета. Я ущипнула себя за руку, только бы не разревься.

Я еще долго сидела с конвертом в руках и не решалась его открыть. Мы с Кейлом очень этого хотели. Мы подали заявки в Пристронский университет, рисуя себе прекрасное будущее. У обоих были высокие шансы попасть туда. Разница между нами была в том, что стоило это очень дорого и мои родители могли оплатить, а его нет. Из-за этого он и решился участвовать в гонках, ему нужны были эти деньги.

Мои дрожащие руки вскрыли конверт, внутри было поздравление с началом нового учебного года. Из груди вырвался стон. Теперь, когда не было Кейла, мне было тяжело даже держать письмо в руках – тонкий, почти прозрачный лист стал неподъемным.

Не все решения даются легко. Кейл хотел, что бы я пошла учиться. Я сидела и тупо тарасилась на конверт. В нем загадка и ответ, на главный вопрос, как жить дальше и жить ли вообще. Кейл бы очень мной гордился. Я должна была сделать это ради него, ради нашей любви.

Все эти месяцы я ни разу не посмотрела на себя в зеркало. С трудом сев на кровати я уронила голову вниз и зажмурилась. Комната завертелась перед глазами, все поплыло сначала влево, потом вправо. Несколько глубоких вдохов и несколько минут. Наконец я с трудом поднялась и стараясь не упасть побрела в ванную.

Первый взгляд в зеркало поверг меня в шок. На меня смотрело изможденное лицо, темно-фиолетовые круги под глазами выглядели, словно черные тени, чертившие на исхудавшем лице борозды. Незнакомка смотрела на меня из-под полуопущенных ресниц, глазами цвета серых грозовых туч.

Когда-то длинные светлые волосы сваялись и местами обгорели и теперь выглядели, как рвотная масса. Не раздумывая дважды я достала ножницы и поднесла их к голове. Клоки, один за одним, запутанными клубками бесшумно падали на пол. Мне стало немного легче, как будто я отрезала часть воспоминаний. Жаль, что не могла избавиться от них совсем.

Я сняла одежду и внимательно оглядела свое тело. Медики смогли восстановить кожу, на нем не было ни одного шрама. В некоторых местах кожа была чуть розовее обычного, только и всего. Фигура приобрела острые черты, угловатые коленки, впалый живот, костлявые плечи и маленькая голова на худой длинной шее. Я умерла, для того чтобы родиться заново – сильнее.

Шагнув в круглую кабину душевой, больше похожей на прозрачную капсулу, я нажала кнопку. Теплые струйки воды оросили меня: стекая вниз, уходя в никуда. Я бы так хотела смыть всю боль, что застряла внутри меня. Схватив мягкое полотенце, я вышла в комнату, чувствую себя капельку лучше. Услышав мою команду Нара убрала тонировку со стекол и в комнате вмиг стало светло. Я подошла к окну. Свет солнца, лился из огромных, во всю стену, окон, отражаясь бликами на гладком, как зеркало полу. Идеально прозрачные, тонкие стекла создавали иллюзию, будто нет совсем никакой преграды.

Далеко внизу, между главными воротами и жилыми небоскребами, виднелась площадь третьего округа с лужайками и клумбами, и узорами из цветов и кустарников. От площади к зданиям тянулись линии сверкающих мостиков из стекла стали. Люди казались с такой высоты крошечными точками. Иногда, когда небо было совсем чистым, а такое случалось редко, с севера, где вид не закрывали горы, виднелась земля. Сегодня все заволочло сизым туманом.

Задумчиво оглянув комнату, я поднялась и пошла к выходу.

Белоснежные двери мигнули голубым и бесшумно опустились вниз. Теперь я отчетливо слышала голоса, доносившиеся из столовой. Дома все так же, гостиная – самая большая комната в доме имела такие же окна, как и в моей комнате, только с видом на юг. Здесь стояли два полукруглых дивана и посередине кофейный стол с орхидеями. Они благоухали словно настоящие, в прочем, они и были настоящими, только никогда не вяли и цвели круглый год. У самого окна вверх шла спиральная лестница из прозрачного стекла на тонких словно паутина нитях.

Таких лестниц в доме было две, одна здесь и другая в моей комнате. Она вела наверх, на крышу, откуда по ночам открывался умопомрачительный вид на город. Та, что была здесь, выходила в маленький садик, заботливо выращенный мамой. Там росли эписитовые деревья, орхидеи, а вокруг маленького водопада пушились кусты папоротника и каллы.

За одним из кресел в воздухе, цветными открытками, виднелись фотографии. На одной из них я и Кейл в начальной школе. У меня вместо перед него зуба дыра и розовые косички с заколками. Он смеялся и поставил мне рожки...!

– О, небеса, – вздохнула я.

– Небеса активированы, – проговорила Нара и, тут же, потолок превратился в голубое небо с облаками и солнцем. Они плыли и перетекали словно настоящие, и только лучи солнца не дававшие тепла говорили о том, что это иллюзия.

– Убери это, Нара, – раздраженно сказала я.

– Режим уборки активирован, – бесстрастно доложила она.

С тихим шипением в полу открылся отсек, из которого выехал круглый робот, похожий на таблетку аспирина и сразу начал метаться по комнате собирая несуществующий мусор.

– Тупая машина, – проворчала я и пошла в столовую, пока она не довела меня до бешенства.

– «Тупая машина», задача не распознана. Повторите команду..., -прозвенел ее голос, когда я уже скрылась за очередной дверью.

В столовой, за завтраком, собралась вся семья: мама, папа, мой младший брат Джейкоб и моя бабушка Роузи, я зашла в кухню откуда меня не было видно. Почему-то я не решалась выйти к семье. Голос бабушки звучал звонко и молодо:

– Она весь путь зудела о том, что ее парикмахер безрукий тупица. И я могу предположить, что он человек весьма воспитанный и тактичный если выдерживает столь противную старуху...

– Берга же тебя младше! – папа, который бабушку старухой никак не мог считать, хмыкнул протягивая руку к тарелке с сыром. Конечно, еще никто не придумал эликсир бессмертия, но хорошие средства для продления женской красоты все же изобрели. Если заглянуть к бабушке в ее будуар, то там все полки заставлены витаминами, припарками, присыпками и масками. Любой магазин торгующий товарами для красоты позавидовал бы этому ассортименту.

– Ох детка, – Роузи захлопала длинными ресницами и ласково положила свою ладонь ему на плечо, – во-первых, перебивать старших не хорошо, а во-вторых, чужие секреты выдавать еще хуже!

– Какие секреты, мы все знаем сколько тебе лет, – произнес папа, – Хотя, судя по твоему легкомыслию, ты младше меня.

– Легкомыслие, мой малыш – это хорошее самочувствие на свой страх и риск. А в моем возрасте немного легкомыслия необходимо для поддержания молодости души, что, в конечном счете, проходя неведомые метаморфозы преобразуется во внешнюю оболочку, так сказать хранилище той самой молодой и прекрасной души. А какая душа такое и тело. Так, о чем это я? Ах да, Берга...

Слова Роузи потерялись в шуме воды.

– Что желаете на завтрак?! – прозвучал голос Нары. Раньше он меня так не раздражал.

– Сделай мне кофе, просто кофе, – скомандовала я ей.

– Просто кофе, – отозвалась она, и кофеварка зашумела. Через минуту кружка наполнилась черной горькой массой.

– Да не просто кофе, а мой кофе, – она что перестала распознавать мой голос?!

– Задача не распознана...

– Отключись! – Нара затихла, и я, вздохнув, подошла к холодильнику.

Достав все необходимое я сварила себе крепкий эспрессо. Растопила темный шоколад с чили и размешала его с горячими сливками, и слоями залила в кружку щедро присыпав шоколадной стружкой. Не хватало только карамельного соуса.

Дверцы холодильника хлопнулись и я нажала на меню заказав свой любимый вид карамели. Ваш заказ будет доставлен в течении 10 минут, – прочиталось на нем. Я снова нажала «ОК» и, обхватив теплую кружку руками, шагнула в столовую.

– После стольких лет общения с такими ид..., – она запнулась, – в общем, с непростыми людьми, я убедилась в том, что мудрость не всегда приходит с возрастом. Бывает, возраст приходит один.

Она поймала взгляд родителей и обернулась.

– О, детка, – воскликнула она округлив свои голубые глаза в тонкой паутинке морщин, – что с твоей прической, тебе бы лучше сменить стилиста!

Я попыталась улыбнуться, но вышло так, словно я съела червяка и теперь меня тошнило. Затем, я подошла к столу и села на глянцевый белый стул, похожий на растекшуюся каплю воска. А дальше... Дальше все делали вид, будто это самый обычный завтрак в самой обычной семье. Так даже лучше. Я, так и не тронув еду, выпила чашку ароматного кофе: теплота напитка спустилась по горлу в желудок согревая все тело. Я скучала по этому вкусу.

Встав из-за стола я повернулась к родителям.

– Я прогуляюсь, – словно спрашивая разрешения сказала я. Мама посмотрела на меня неуверенно и даже испуганно, но папа приобнял ее за плечи.

– Возвращайся скорее, – сказал он улыбувшись, и я кивнула в ответ.

Почему-то эта фраза показалась мне двусмысленной. Мне требовалось вернуться к жизни.

В гараже стоял черный флай. Раздутые крылья, много хрома и кожи – всеми забытый ретро стиль. Даже под толстым слоем пыли его плавные обтекаемые формы возбуждали жажду скорости. Мы с Кейлом делали его вместе, но я ни разу не ездила на нем: Кейл был против – боялся. Я села на него и провела рукой по гладкому корпусу, вдохнула запах... все еще пахнет Кейлом и застыла оставляя воздух в легких, как будто, с первым выдохом, он исчезнет навсегда, как исчез Кейл.

Мотор даже после длительного простоя отозвался прекрасным звуком – похожим на рычание зверя. Я летела в никуда, старясь убежать от себя, от своих воспоминаний, оставить позади все... и, вот, я оказалась у самой земли, посреди старой мостовой. Здесь было, что-то особое, чего нет больше нигде. Что-то неуловимое и немного волшебное. Древние булыжники, которыми она была вымощена, остались единственной, едва заметной, сохранившейся частью. Они почти затерялись под толстым слоем сырой и рыхлой пыли.

Внизу текла неглубокая река, точнее то, что от нее осталось. Может, когда-то, у нее даже было имя, а теперь это была обмелевшая лужа с берегами из полуистлевшего мусора и мха. Люди загадили землю и, вместо того, чтобы все исправить, поставили на нее стальную коробку, словно коронку на гнилой зуб и назвали Обливион, а про землю забыли, вроде бы, как и не было вовсе. Сейчас почти никто не спускается вниз, забираясь все выше и выше. Земля – негласно, запретная зона. Кладбище прошлого и будущего, только пока этого никто не осознает.

Ограждение старого моста зияло дырами, вместо когда-то прекрасных белоснежных балясин торчали куски арматуры, на которых все еще виднелись остатки мрамора. Солнечные лучи почти не достигали земли, поэтому деревья здесь давно засохли, лишь на некоторых все еще держались бледно-ржавые листья, облетая от малейшего порыва ветра. Они падали в грязную воду и медленно уносились куда-то вдаль.

Начало смеркаться. Я облокотилась на уцелевший кусок ограждения и посмотрела вниз, на реку. Спокойная вода облизывала речные камни поросшие зелеными водорослями похожими на слизь. Землю начало заволакивать густым серым туманом, настало время собираться домой, пока позволяла видимость.

По обе стороны моста стояли массивные постаменты, когда-то здесь были фигуры святых или ангелов, а сейчас виднелись лишь щербатые куски камня, смутно напоминающие очертания людей. Крылья ангелов давно были срезаны беспощадным временем. Меня внутри сковала такая тоска, что опять в глазах задрожали слезы.

– Слабовольная плакса, – выругалась я на себя и разозлилась так, что перед глазами вспыхнуло. Я ойкнула от неожиданности, потому как подобное случалось со мной раньше. На пике эмоций я часто, каким-то неведомым образом, приводила в негодность электро приборы и билась током. Перегревшийся комп или лампы, которые взрывались не с того ни с сего, самый благоприятный исход событий.

Вдруг раздался странный звук, хрипящий и неприятный, сначала где-то сверху вдалеке, а потом, приближаясь, слышался справа. Я вздрогнула и повернулась. Грязный туман уже заволакивал все вокруг и я с трудом могла разглядеть что-либо даже в паре метров от себя.

Обхватив себя руками, я подошла к своему флаю и мой взгляд уловил крошечное цветное пятнышко в бесцветной пустыне, в которую превратилась земля. Я наклонилась близко и разглядела маленький росток выбившийся из-под слоев асфальта... Почему-то этот беспомощный зеленый крючок, больше напоминающий червячка, подарил мне надежду – лучшего

доктора, которого только можно помыслить. Я ласково обхватила его пальцами и вытащила, решив забрать его с собой – здесь ему в любом случае не выжить.

Резкий порыв пыльного, вонючего ветра принес запах смога и гниловатой сырости. Я съезжилась и плотнее запахнула черную куртку, хоть и понимала – толку от нее немного. Я всегда мерзла, неважно какая погода.

Стало совсем темно, наверное из-за тумана. И снова послышался шорох и вроде как человеческий голос. Я затаила дыхание, положила росток в карман и стараясь не делать много шума слезла с флая. Где мои остатки разума? Тихо наступая на мягкую сырую почву я сделала несколько шагов вдоль моста. По обе стороны от меня стояли покосившиеся ржавые столбы фонарей.

Хлопья сизого тумана перетекали вокруг, словно силуэты темных призраков. Сквозь них виделось золотистое пятно света. Снедаемая любопытством я шла дальше. Спустя несколько шагов, стал различим тусклый свет фар огромного флая. Два огонька смотрели на меня сквозь туман, словно глаза хищника. Где-то внутри кольнуло: осторожно! И я притормозила, взвешивая за и против. Нормальные люди не спускаются вниз, ну, если не брать в расчет охотников за адреналином и искателей приключений на свои задницы. Стоило бы прыгнуть на флай и лететь отсюда скорее.

Вдруг из-за машины стала подниматься большая фигура: все выше и выше... Я попятилась назад и наступила на сухую ветку. Раздался хруст, и он повернулся в мою сторону.

– Кто здесь?! – спросил он и сделал несколько шагов навстречу почти врезаясь в меня.

Я застыла поднимая голову кверху. Боже милостивый, он был огромным и... красивым.

– Извини, если напугал, – сказал он с сожалением в голосе отступая назад, и я обратила внимание на его руки. Длинные пальцы, аккуратная форма ногтей.

Почему-то он напомнил мне ангела, случайно оказавшегося здесь, на земле или, на крайний случай, греческого бога. Широкие плечи, красивое лицо, прямой нос и мужественный подбородок. Похож на античную статую подумала я, пытаясь понять серпл или человек. Светлые русые волосы были коротко острижены; глаза – глубокого чистого синего цвета, цвета сапфира; четкая линия губ и выделяющиеся скулы. Наверное человек, у него добрые глаза, глаза человека.

– Я подумала, может нужна помощь, – продолжила я, все еще не спуская с него глаз, и он одарил меня неуверенным взглядом.

– Разбираешься в подобных штуках? – спросил он с насмешливыми нотками указывая на флай.

Не так хорошо, как Кейл, но я знала, что передо мной был новый Chevrolet Imp. Последняя разработка концерна. Полное название «impetuous». Самый быстрый флай из существующих, с электро двигателем нового поколения.

Я замучила своими вопросами представителя компании на выставке той весной. Бедняга едва отделался от нас с Кейлом не зная ответы на многие из вопросов которые мы ему задавали. Когда мы оставили его впокое у него дергались оба серых глаза. «Impetuous» только запустили в производство и это был первый, который я видела вне стен павильона.

Эта машина казалась мне совершенной, странно, что она могла вот так сломаться.

– Он просто заглох, – пожал плечами парень.

Я понимала, максимум, что я могу предложить – это отвезти его туда, куда он направлялся, но не дотронуться до флая было выше моих сил. Я подошла ближе и коснулась серебристого корпуса. Черт, он выглядел, как космический корабль.

– Кажется, он безнадежно мертв, – вдруг парень придвинулся ближе и нечаянно задел меня плечом. Я даже подпрыгнула от неожиданности и испуга, и меня опять ударило током. Парень тоже резко убрал от корпуса руку и выдохнул. Панель imp замигала голубым, засветился знак Chevrolet и вдруг он тихо заурчал, приподнимаясь над землей.

– К-как, – он устремил в меня еще более удивленные глаза, – как ты это сделала?

– Сделала что? – я отступила на него на шаг не понимая о чем он.

– Ты завела его?

– Нет, – помотала я головой, – там, видимо, замкнуло что-то, – сказала я поправляя на себе куртку, – проверь бортовой комп при первой возможности.

– В любом случае спасибо, – он улыбнулся довольный, что флай все же исправен, – кстати, меня зовут Маркус.

– В любом случае пожалуйста, хотя я не сделала ровным счетом ничего, – ответила уже усаживаясь на свой флай и мельком посмотрела на него. Более странного знакомства у меня еще не было. Маркус оседлал «impetuous» и тот почти коснулся земли под его весом. Затем он рванул вперед оставляя листья и пыль танцевать на мосту в свете моих фар. Внутри мое сердце заурчало в унисон двигателю его флая.

Добравшись домой я чувствовала невероятную усталость. Как можно тише я шагнула внутрь и на цыпочках побрела в комнате.

– Кейт, – рассержено позвала мама.

Я остановилась и обернулась. Она была одета в джинсы и обычную серую майку, но даже повседневная одежда выглядела на ней безупречно и элегантно.

– Извини, мам, – отозвалась я придумывая на ходу, чтобы такое сказать. Больше всего на свете я не любила лгать, но в этой ситуации сказать, что я была у земли было эквивалентно приговору и аресту.

– Только не говори, что ты была с Эриком! Я звонила ему.

Упс.

– Нет, я была одна, просто ездила по городу. Погуляла немного. Я на улицу почти пол года не выходила!

– В следующий раз убедись, что твой телефон включен! А теперь Кейт Лайон Блейк в свою комнату!

– Мне уже семнадцать!

– Тебе всего семнадцать и на улице уже темно! И ты была одна..., – она запнулась, – я волновалась.

– Я знаю мам, – я подошла к ней и обняла ее, – прости меня.

В моей комнате было темно и я не стала включать свет. Так и упала на кровать в одежде, всматриваясь в потолок и тени, что ползли по нему – корявые и блеклые. Я подумала о Кейле и тут же постаралась переключить ход мыслей в другом направлении. Думай о чем угодно, приказала я себе. О чемнибудь.

Маркус. Станный и невероятно красивый незнакомец с моста. Если бы я не встретила его у земли, то приняла бы за серпла. Доступ к нижнему ярусу есть только через трущобы первого уровня, а это место принадлежит людям, причем людям особой категории, тем кто полностью отказываются признавать серплов. Они живут в изоляции от остального города. Фактически, это отдельное государство. Туда даже полиция навевается изредка. Для серпла войти на территорию примитивных равносильно самоубийству – значит Маркус человек.

* * *

Я потеряла слишком много крови, она лилась из ран, капая на мраморный пол, такой блестящий, как зеркало.

Враги окружили меня, словно вихрь. Их черные глаза смотрели на меня пристально и изучающе. Я находилась в огромном помещении похожем на музей с массивными колоннами по периметру круглого зала. Вдалеке, на возвышении, стоял трон. Он был пуст. Я чувствовала, что силы покидают меня, я была истощена и ранена.

Я оглянулась. Вокруг они. Тысячи странных созданий и у всех одно лицо – лицо Бодда. Они наступали. Круг медленно сужался. Их топот звучал громко, отдаваясь эхом в огромном помещении. Меня охватила паника. Я в тупике. В ловушке. Вдруг сверху из купола заструился свет, такой яркий, что я закрылась от него руками. Мои враги отступили назад, в темноту. Я подняла глаза, стараясь разглядеть хоть что-то и различила силуэт дракона. Большого голубого дракона, с переливающимся чешуей и вытянутой зубастой пастью. Поначалу я испугалась еще сильнее, когда он приземлился позади меня. От мощной волны воздуха, я упала на колени и уже приготовилась к худшему. Дракон раскрыл крылья и свет стал невыносимым, а затем эти самые крылья сомкнулись вокруг меня, как огромное одеяло. Чувство безопасности окутало меня, стало тепло. Свет заполнил меня изнутри, словно вдыхая в меня жизнь.

Глава вторая

Глубокий синий

Докрыв глаза я обвела взглядом комнату. Было еще темно. Но темно только в комнате, потому как в душе у меня до сих пор оставался тот самый свет. Сегодня тот день, когда я должна была отправиться в университет. Впервые за долгое время я поймала себя на мысли, что у меня хорошее настроение. Перевернувшись на бок я заснула с теплым ощущением внутри. Все будет хорошо. Непременно будет...

Что-то звякнуло, и я лениво приоткрыла один глаз. Мама зашла в комнату, а за ней плыл круглый абсолютно прозрачный поднос, на котором дымился кофе. Он пах так маняще, что рот сразу наполнился слюной, и я, медленно потянувшись, села и прислонилась к подушкам спиной.

– Доброе утро, Соня, – сказала мама аккуратно поставив поднос на столик, – сегодня важный день, надеюсь ты не забыла об этом!

– Нет, я помню, – произнесла я потянувшись за кружкой. В прозрачном цилиндрике, похожем на колбу, слоями, в моей любимой последовательности, был выслан целый шедевр из шоколада, карамели и сливок. Вся комната вмиг наполнилась этим запахом.

– Нара, будь добра, растонируй окна, – произнесла она мягким голосом, даже с некоторой нежностью. Мама поправила мои растрепанные волосы и провела ладонью по щеке.

Нара моментально выполнила приказание. В комнату золотистым потоком хлынул солнечный свет. Даже слишком светло для огромного и вечно пасмурного Обливиона. Он разлился по комнате играя бликами на поверхности стола и стен. Я с благодарностью взяла свою кружку и закрыв от удовольствия глаза сделала первый глоток.

– Сегодня ты выглядишь гораздо лучше, – мамыны глаза теплые и родные смотрели на меня с такой любовью, что я невольно улыбнулась.

Приняв горячий душ щедро дополненный апельсиновым маслом и алибрисом, я ступила на холодный пол из светло серого камня и вытерла тело. Мягкое хлопковое полотенце старательно впитывало излишки влаги со светлой кожи, тонкой и бледной точно белый шелк. Я расчесала мокрые волосы, казавшиеся сейчас глубокого золотистого цвета и довольно посмотрела на себя в зеркало чувствуя себя полной сил. Мне даже показалось, что худоба мне к лицу. Мои глаза заблестели и, кажется, на стальном, как ночное море фоне появился проблеск, словно на дно того самого моря упали серебряные монеты.

Прошлепав влажными ступнями по прохладному полу, я удивлялась, как же раньше я могла не замечать столько маленьких радостей, из которых складывается жизнь. То, как первые лучи солнца с утра окрашивают мою комнату в нежно розовый, как приятно касаться разгоряченными ступнями холодного пола и вдыхать запах все еще дымящегося кофе... счастье это оказывается так просто! Мне хотелось узнать тот мир, что за пределами этих яруссов, напоминающих улей.

Я отбросила полотенце на кровать и распахнула дверцы гардеробной.

Она, некогда, была для меня любимым местом, я заходила сюда и часами напролет могла применять одежду. Все лежало в строгом порядке, майки рассортированы по цветам, а обувь педантично расставлена на полках. Не помню, чтобы я наводила тут такой порядок. Сколько же тут всего! Сейчас это казалось невероятно глупым. Тратить столько времени на совершенно не существенные вещи, когда передо мной был огромный мир. Я столько всего не знала и о еще большем так никогда могла и не узнать! Столько мест, где я не была и столько не исполненных желаний.

Я хотела побывать в самых крайних уголках планеты, познакомиться с новыми людьми и может быть привнести в их жизнь что-то новое, сделать действительно что-то полезное и имеющее истинный смысл и ценность. Я оглянулась на панораму Обливиона, на население третьего яруса спешащее на своих фляях и глайдерах по делам и мне почему-то стало невероятно тоскливо. Интересно, хоть кто-то из всего этого пластикового вечно спешащего стада задумался о том для чего мы живем?! Почему весь мир вокруг – странная череда закономерностей и почему люди до сих пор безрассудно верят в то, что они хоть как-то могут управлять своими маленькими и бесполезными жизнями. Почему мы живем в эпоху, когда вроде бы «все хорошо, но нет ничего хорошего». Пустая и бесконечная погоня за призрачным счастьем в попытке наполнить свою жизнь смыслом. А наполнять-то и нечего, потому что каждый второй забыл, что у него есть душа.

Не долго задерживаясь в гардеробной, я надела черные джинсы и топ с сапогами поднимающимися почти до колена. На талии у меня был толстый кожаный ремень – дань современной моде. Черный мне к лицу.

В гараже загорелись белые лампы освещая светлые стены и потолок. Помимо нашего флая и моего маленького двухместного мерседеса здесь стояли еще три машины похожие на обтекаемые капли ртути. Я посмотрела на флай Кейла, но все же решила воспользоваться глайдером.

Ворота, тонкие и прозрачные, быстро поднялись вверх открывая путь. Я сказала адрес и поставила на автопилот, наслаждаясь видом утреннего города и допивая свой кофе. Машина плавно вылетела на дорогу и встроилась в серебристый поток – вдалеке казавшийся бесконечными бусами.

Пристонский университет находился в четвертом округе и стоял особняком – огромное здание из стекла и стали, выполненное в форме эллипса, имело вид гигантского яйца. Позади, куда видели глаза простиралась зеленая долина и голубые змейки искусственных каналов чертили на земле узоры. На воде покачивались белые пантоны и маленькие лодочки.

Мое сердце бешено колотилось, когда я залетела внутрь. Паркинг был бесконечным, уходившим вниз на десятки этажей. Оставив глайдер, я поднялась на лифте в главный холл. Изнутри здание оказалось даже больше. Сверху, сквозь прозрачный потолок, было видно, как плывут облака, я даже увидела несколько птиц, хотя они почти исчезли из города.

Студенты толпились у лифтов, спешно шли по своим делам и выстраивались в линию у административного отдела. Я держала карту с автонавигацией и на ней должен был быть проложен путь до нужного корпуса, только вместо этого, каждые две минуты, эта бесполезная штука меняла направление и мигала, чему я не очень удивлялась. Все, что было электронным ломалось и выходило из строя в моих руках, особенно если я начинала нервничать, а сейчас я была в бешенстве! Когда в третий раз я прошла мимо той же самой статуи, я поняла, что заблудилась окончательно. Я прислонилась к бронзовому уродцу и повернулась к нему лицом. Его скорбящий вид заставил меня поморщиться.

– Ох, парень, судя по твоему виду, у тебя дела еще хуже, – «Мыслитель», а точнее неудачная копия на работу Родена, изображала не молодого подтрепанного жизнью человека с пригорбленным взглядом и в странной позе... словно он, да не важно. Интересно, только у меня возникли подобные ассоциации?!

– Ты, конечно же, не знаешь как мне помочь, – я стряхнула пыль с его коленки и оглядываясь облокотилась о прохладный металл. Бесконечные коридоры, петляющие из стороны в сторону, наводили меня на мысль, что у архитектора были большие проблемы или может это у меня что-то с головой. Деменция на лицо (приобретенное слабоумие, изменение в сознании, при котором человек не способен думать и мыслить ясно)!

Вдруг из общей массы мой взгляд выделил знакомое лицо. Маркус... Маркус!!! Парень с моста. Его глаза вспыхнули, когда он заметил меня и на лице появилась добродушная улыбка. Я, вот так, и стояла, и таращилась на него, пока он пробивался сквозь толпу в мою сторону, возвышаясь над общей массой. Сейчас я могла хорошо рассмотреть его. Светлые волосы были коротко острижены, но, все равно, сверху немного вились. У него был прямой нос и яркие выразительные губы.

– Привет! – воскликнул он радостно. – Вот уж не ожидал увидеть тебя здесь!!! Я Маркус, помнишь меня?! – он расплылся в белоснежной улыбке.

– Да, конечно, – ответила я встряхнув головой, словно наваждение сбрасывала, – я починила твой байк, – пошутила я. Он засмеялся.

– Точно! Если бы не ты, мне бы пришлось идти пешком до самого утра. Внизу даже связи нет!!

С этим не поспоришь.

«Что же ты там делал, у самой земли?» – подумала я.

– Ты заблудилась, – спросил он больше утверждая, хотя мне показалось, что думал он совсем не об этом.

– К сожалению, – пришлось признать свой провал, – зато у меня появился новый друг, – я указала на скрюченного мужчинку, – у него стальной стержень, холодный разум и еще он много не разговаривает. – Здание один бесконечный лабиринт! – сказала я и кончики губ Маркуса подпрыгнули вверх.

– Какую кафедру ты ищешь?!

Я протянула ему карту с обозначенной на ней кафедрой.

– Неужели?

– Что?! – спросила я заглядывая в бумаги, что он там такого увидел.

– Мы одноклассники, – Маркус улыбнулся во весь рот не скрывая своей радости.

– Здорово, – ответила я, признавая, что это действительно здорово, – значит ты точно знаешь куда нам идти.

Он промычал что-то вроде «ага» и двинулся в сторону капсул лифта.

Вокруг нас собралось десятка два людей. Хоть я с трудом переносила серплов, но все равно каждый раз с удивлением всматривалась в их лица. Некоторые экземпляры завораживали. Маркус поздоровался с одним из них – высоким смуглым парнем. Конечно, он был безупречным внешне, так же, как и девушка слева от меня. Зеленые огромные глаза, оливковая кожа – чистая и нежная как у младенца, у них у всех. Легкий румянец на щеках и коралловый пухлый ротик. Словно кукла.

– Да, в этом сезоне будет сложнее, – долетел до меня обрывы фразы Маркуса и я двинулась немного назад, стараясь не вникать в их разговор.

Чуть правее громко смеялся и заигрывал с девушкой парень моего возраста – яркий брюнет с пронзительно голубыми глазами в рамке черных ресниц. Он был, наверное, ростом около двух метров, с широкими плечами и губами, как у пластикового пупса. Он вдруг посмотрел на меня и улыбнулся кивнув в знак приветствия. Я отвела взгляд стараясь не показывать открыто свое отвращение. Бездушная гадина, еще подумает, что я на него пялюсь.

– До скорого, – Маркус пожал своему знакомому руку и подошел ко мне, – извини, что оставил тебя.

Я только пожала плечами, недоумевая почему он извиняется. Двери лифта наконец-таки распахнулись и я быстро шагнула внутрь. Маркус стал напротив меня, оказавшись рядом с двумя серплами и я невольно их сравнила. Он был даже более красивым, чем они... все в его внешности было безупречным. Синие-синие глаза, тонкие черты лица, такие четко очерченные губы и черные брови. Серый свитер не скрывал его широкие, мускулистые плечи и широкую грудь, а скорее наоборот. В этот момент во мне впервые зародилась неприятная мысль, но

тут же я оттолкнула ее вспоминая наше знакомство у земли. Серпл не мог попасть туда. Да и вообще, какая мне разница кто он?!

– Все в порядке? – спросил он наклонившись ко мне, и я почувствовала головокружительный запах. Что это?! Его парфюм?! Во рту у меня стало сухо и зашепотало в животе.

– Прекрасно, – тихо ответила я отступая немного назад. Какое ему дело до того, как я себя чувствую!

– Ты бледная и вид у тебя такой, словно тебя сейчас стошнит, – с нотками жалости сказал он.

– Я же сказала все хорошо, – более резко произнесла я, так что другие невольно обернулись.

Маркус нахмурился, но промолчал, а мне стало не по себе. Он отвернулся, свет падал прямо на его лицо очерчивая высокие скулы. Микеланджело позеленел бы от зависти, если бы увидел его. Что я несу... Скорее бы лифт приехал.

Маркус больше не предпринимал попыток заговорить со мной. Он повернулся спиной – лицом к выходу и я скользнула по его спине вниз. Широкие плечи плавно переходили в крепкую спину, под свитером читались мышцы и крепкая задница... Наверное, он из спорт зала не выходит. Он едва заметно ухмыльнулся и я спешно отвела взгляд в сторону.

Лифт унес нас наверх, быстро отсчитывая этажи на дверях, затем был резкий поворот влево, еще раз влево и, наконец, кабина остановилась открывая взору огромный холл с колоннами из серебристого света, уносящимися далеко к небу. Внутри каждого столба сверху вниз струились нити белого света, словно шел бесконечный дождь.

Прямо посередине переливался витраж из цветного стекла. Лучи проходя через него окрашивались в различные цвета и ложились на гладкий блестящий пол, отражаясь и играя бликами по всему пространству холла, напоминая арктическое сияние неба.

– Мы почти на месте, – сообщил Маркус и я посмотрев в его синие как сапфиры глаза, снова задумалась: человек он или нет.

– Спасибо за помощь, Маркус, – я вежливо поблагодарила его и медленно пошла через холл выставив правую руку в сторону, пытаясь дотронуться до колонн. Они были не более, чем пучками света. Маркус шагнул в один из них и расставил руки в сторону и поднял голову кверху. Казалось, что свет струился сквозь его тело, перетекал под кожей и блуждал в светлых волосах. Я улыбнулась. В нем было слишком много человеческого, чтобы сомневаться в его принадлежности. От этого даже дышалось легче.

– Маркус! Маркус Коул! – окликнул его хриловатый и очень знакомый голос, – я не смогла сразу увидеть его владельца из-за огромной спины Маркуса, но перепутать тоже не могла. Это был Эрик Джаггер – мой лучший друг. Я выглянула из-за Маркуса и наши глаза с Эриком пересеклись. С его лица сразу сползла улыбка во весь рот, брови сдвинулись и он притормозил.

Я сделала печальную мину, а Эрик более сдержано поздоровался с Маркусом делая вид, что меня вообще не существует. Я его могу понять. За пять месяцев я не ответила ни на один звонок и даже не написала ему. Я ужасный друг, знаю.

– Прости, – прошептала я одними губами все еще выглядывая из за спины Маркуса. Эрик проигнорировал меня. Ах, так! У меня во рту уже скопилось достаточное количество колкостей, чтобы подправить ему настроение, как вдруг Маркус положил мне ладонь на плечо: от этого я чуть не рухнула и гордо так произнес:

– Знакомься, Эрик! Это Кейт, моя подруга.

Его подруга?! Кажется, на наших с Эриком лицах отразилось одинаковое чувство удивления даже скорее шока. Массивная челюсть Эрика потекла вниз и взгляд карих глаз кричал: «да неужели?!».

– Именно поэтому ты и не отвечала на мои звонки! – ядовито произнес он складывая руки на груди, – у тебя новый друг! Эрик смотрел на меня, как на предателя, с высоты своего роста и здесь нужно заметить, что по габаритам он значительно превышал Маркуса и выглядел грозно, но я знала его слишком давно, чтобы беспокоиться по этому поводу. Эрик был добрее моего почившего хомячка Сквизи, которого он кстати и отправил на тот свет (Эрик хотел достать у того из за щеки безнадежно застрявший кусок моркови и сломал бедняге шею. В тот момент, Эрика мне было жалче чем хомяка. Он мучился угрызениями совести и оплакивал комочек светлой шерсти еще три часа, перед тем, как похоронить его).

Эрик был самым безобидным человеком во всем городе. Иногда я думала, что природа пошутила создавая его таким великаном. В его ладони помещалась крупная дыня и, при всем этом, он был одним из самых добрых людей, которых я знала. К его положительным чертам можно добавить блестящий ум и совпадение наших взглядов во всем, что касалось веселья. Он был трижды назван одним из самых перспективных специалистов в области инженерии и уже третий год работал в Присе преподавая одну из дисциплин.

– Это твой парень? – спросил Маркус недоумевая и перебрасывая взгляд с меня на Эрика и обратно.

– Нет! – почти одновременно ответили мы.

– Прекрасно, – произнес Маркус довольно улыбаясь и глянул на мое выражения лица добавил, – прекрасно, что вы знакомы.

– Мне пора на лекцию, – Эрик выдохнул, пожал Маркусу руку и, не удостоив меня даже взгляда, резко развернулся и стал быстро уходить.

– Спасибо, Маркус, – быстро выкрикнула я и поспешила догнать Эрика на ходу бросая, – до скорого!!

Он озадаченно смотрел как я поравнялась с Эриком и пыталась успеть за его метровыми шагами.

– Эрик, – воскликнула я, – подожди!

Я уже стала задыхаться. Он пошел еще быстрее.

– Извини, – с сожалением ответила я, – мне действительно жаль, но у меня не было сил отвечать на звонки. Мама говорила, что ты звонил почти каждый день.

– Да, – резко остановился он нависая надо мной, несколько людей остановились наблюдая, как огромный великан-людоед собирается раздавить щуплого подростка, – потому что я беспокоился о тебе. Или может ты думаешь, что для меня смерть Кейла прошла незаметно?! – когда он увидел блеснувшие в моих глазах слезы он осекся и вздохнул.

– Зачем ты так? – спросила я сквозь зубы.

– Потому что я идиот, – вся злоба испарилась с его лица, – и я идиот, который очень по тебе скучал, – Эрик обнял меня так крепко, что я закричала.

– Не могу дышать...

– Я тоже, малыш, я тоже не могу без тебя дышать.

– Ты меня задушишь, Эрик, – произнесла я еще тише, – буквально!

Я брыкнулась и вырвалась из его лап. Он провел ладонью по моей голове так, что все волосы влипли в скальп и обхватив мое плечо прижал к себе боком.

– Отвыкла от меня, – с нотками обиды сказал Эрик.

– Эрик, перестань давить на жалость! – я попыталась поправить волосы, но после ладони Эрика они лежали лепешкой на моей голове.

– Зачем ты волосы обстригла?

– Они обгорели: от моих волос не осталось и половины.

– Жаль. Я любил твои кудряшки.

– Еще бы, каждый раз когда мы дрались, это было моим уязвимым местом!

– Это в прошлом, – улыбнулся он, – вспомнила то, что было десять лет назад.

– Действительно? – спросила я подсчитывая. – Мы знакомы десять лет.

– Нужно отметить!

Я улыбнулась.

– Тебе много поводов и не нужно.

– Ты вернулась, что может быть значительнее этого?

– Я вернулась одна, Эрик! Кейла больше нет.

Он остановился.

– Я знаю. Но, для меня, здесь главное «Я вернулась». Все. Чтобы открыть новые части света, нужно оставить старые берега, Кейт, – его голос был низким и хриплым. Боль в его голосе задевала меня за живое. Мое сердце сжалось.

* * *

– Это твоя новая жизнь, – произнес Эрик на входе в аудиторию. В ней было прохладно. Почти все места оказались уже занятыми. На трибунах сидели одни парни. Я заметила лишь несколько девушек. Все они, за исключение троих людей, серплы. Я почувствовала, как дурнота подкатила к горлу. Это и была моя новая жизнь?! Внутри родилось ощущение сродни тому, что меня по ошибке посадили в шкаф с коллекционными куклами. Как можно сосредоточиться на лекции, когда их общество вызывает во мне приступы удушья.

Совсем рядом сидела пара серплов, и я заметила как они бросают на меня свои взгляды и перешептываются. Я повернулась и в упор посмотрела в глаза одного из них. Казалось мое безумно колотившееся сердце пропустило толчок. Я сглотнула и перевела взгляд на другого. Оба юноши были похожи, словно братья. Кожа на лице была настолько бледной, что в тех местах, где она была особенно тонкой, проступали синие сосуды. Глаза – черные настолько, что зрачок нельзя было отделить от радужки, смотрели на меня с хищным интересом. В дополнение ко всему у них были слишком яркие, для такого оттенка кожи, губы. Или я начала сходить с ума, или их совиные глаза на бледном лице похожи на Бодда. Теперь этот ублюдок будет преследовать меня всю мою никчемную жизнь.

Едва дождавшись окончания первого дня, я схватила свои вещи и бросилась почти бегом по коридорам к лифту, радуясь одному, что я все таки смогла найти дорогу назад.

Гребаный улей! – пронеслось в моей голове, когда я старалась понять, где оставила свой глайдер. И, наконец, обнаружив его, я еще раз выругалась. Мой путь был заблокирован здоровенной штукой, которую и машиной назвать трудно.

– Помощь нужна? – низкий голос Маркуса заставил меня вздрогнуть. Я обернулась и посмотрела в его глаза. Это застало меня врасплох, потому что еще никто не смотрел на меня так раньше, даже Кейл. Я вдруг обнаружила, что не могу отвести взгляд от этих синих, как океан глаз. Он улыбнулся и я моргнув несколько раз посмотрела на глайдер передо мной.

– Шансов выехать нет. Мне не хватает нескольких дюймов, чтобы протиснуться. Не думаю, что здесь что-то можно сделать.

– Могу отвезти тебя домой, – он улыбнулся, – или...

– Или?

Маркус хмыкнул, словно этот вариант устраивал его в меньшей степени и изящно, слишком быстро, оказался рядом с глайдером, заблокировавшим меня. Без особых усилий он подвинул его, как если бы машина была сделана из воздушных сливок.

– Вот и все, – Маркус повернулся ко мне лицом, – ты свободна, – светлые волосы сверкнули серебром.

Внутри полыхнула такая ненависть, что я невольно сжалась. Я шокировано смотрела в его синие, бездонные глаза, красивое лицо, на улыбку и все сложилось в одну картинку – серпл! У меня внутри словно бомба взорвалась. По мне, от макушки до пяток, пробежала волна отвра-

щения, от злости потемнело перед глазами. Если бы я могла убить его взглядом, я, наверное, это сделала бы. Почему я сразу не поняла! Потому что и люди бывают такие... такие, как Кейл, как я. Нас иногда путали с серплами. Я погрузилась в какую-то страшную темноту, захотелось закричать. Едва сдерживаясь я сквозь зубы прошипела:

– Спасибо, Маркус, – и быстро села в свой глайдер. Дверь плавно опустилась вниз, как будто птица накрыла меня своим крылом. Надеюсь это последний раз, когда я вижу его.

Улетая я посмотрела в камеру заднего вида. Маркус так и стоял там, не сдвинувшись с места и недоумевающим взглядом провожал меня, пока я не скрылась за поворотом. Он так и не понял.

Chapter three

Лунные блики

Мои глаза распахнулись. Мне снился очередной кошмар, в котором я снова видела их: тот же зал и пустой трон. Я осмотрелась вокруг, словно ожидала проснуться в том самом зале, настолько реальными казались эти сновидения. Волна облегчения прошла по телу, я была дома. Бледное солнце просачивалось сквозь окно, создавая блики на потолке и стенах. Я поднялась и увидела как мама заходит в комнату.

Она быстро подошла ближе и склонилась надо мной. Мама выглядела встревоженной: в темных джинсах и свободной рубашке. Ее волосы были собраны сзади в тугой пучок.

– Тебе опять снился кошмар? – спросила она дотрагиваясь до моего лба тыльной стороной ладони. Я кивнула.

– Все в порядке, – мама обняла меня, – это всего лишь сон.

Я закивала головой, хотя эти сны были совсем иными, что мне приходилось видеть раньше. Они были настолько реальными, что казалось это происходило на самом деле. Под подозрительным взглядом мамы я постаралась улыбнуться.

– Правда, я в порядке.

Она посмотрела на меня: тяжело и недоверчиво.

– Милая, я знаю, как тебе сейчас тяжело, – мама заправила выбившийся пучок светлых волос и вздохнула, – Эрик сказал, что ты неделю не появлялась в университете. Ты опять перестала отвечать на его звонки.

Я вздохнула. После первого дня я не могла себя заставить переступить порог этого места, кишашего выродками и еще эти твари с черными глазами, как-будто мой кошмар стал явью.

– Завтра, – я поднялась с кровати и направилась в ванную, – я пойду туда завтра. – была ли это ложь, я сама не знала.

– Сегодня пятница, милая, – мама поправила складки на простыни, – я надеюсь до понедельника ты сделаешь правильные выводы.

Мама улыбнулся мне грустной, любящей улыбкой и от этого я почувствовала себя полной сволочью. И так было всегда. Не помню, чтобы она читала мне лекции и наставления. Меня никогда не наказывали, несмотря на мое поведение и, тем не менее, в конечном счете, я всегда делала так как говорила она.

Я остановилась у входа в ванную и облокотилась о стену прислонившись к ней головой.

– Мам, там одни серплы! Нас всегда учили ненавидеть их. Они заняли наше место, вытеснили нас из нашего же дома, решают наши судьбы. Да посмотри, весь город, весь мир поделен между нами. Эти уроды...

– Кейт, – мама встала с кровати и подошла ко мне, – мы должны научиться существовать вместе. Без это у нас нет будущего.

Я вздрогнула, это звучало пугающе. Вдруг раздался звонок. Над телефоном появилось лицо Эрика, нетерпеливо хмурившего брови.

– Ответь ему, пожалуйста.

– Хорошо, – я подошла к кровати и оглянулась на маму, она послала мне улыбку и вышла из комнаты.

– Привет, Эрик, – ответила я приготовившись к длинной, грузовой речи.

– Только не говори, что ты заболела!

– Я заболела!

– Лгунья! – вскрикнул он. – Тебя выпрут из университета и всю оставшуюся жизнь ты будешь продавать газеты в маленькой лавке первого уровня.

– Давай без нравоучений, хорошо? Там кругом одни серплы, я просто не могу находиться там. Когда я захожу туда, у меня как-будто заканчивается кислород и...

– Кейт! – прервал он рассержено, – Что ты знаешь о них? То что нам всю жизнь вдалбливали в мозг?! Что тебе напевают по телику и радио. Нам промывают мозг, как стаду баранов. Я тоже раньше в это верил. Но не теперь!!!! – последнюю фразу он произнес особенно горячо. Они точно такие же люди...!

– Только чуть лучше! Это ты несешь бред, которым нас пичкают сами серплы!

– Нет, это ты несешь бред, которым нас пичкают люди! Кому-то эта позиция очень выгодна, ты никогда не задумываясь над этим? Мы одинаковые.

– Ты прекрасно знаешь, что одна из этих тварей сделала с Кейлом! – уже на крик перехожу я.

– Это был выбор Кейла и он прекрасно знал за что ему платили такие деньги. Он знал куда он шел! На месте того серпла мог быть кто угодно! Тюрьмы с людьми переполнены ублюдками, которые убивали, грабили и насиловали себе же подобных! Ты человек или зверь не зависимо от принадлежности и цвета кожи, роста и цвета глаз. Понимаешь?!

– Не понимаю, – я накрыла лицо ладонями, чтобы не закричать на него, – что с тобой случилось!? – я чувствовала словно меня предали.

– Я был такого же мнения о них, как и ты, до тех пор пока меня не столкнула с ними жизнь – лоб ко лбу. Так получилось, что то, что я ненавидел больше всего мне пришлось принять, погрузившись в их среду.

Эрик был старше нас с Кейлом на восемь лет. Вот уже три года как он закончил университет, в котором остался преподавать.

– Не суди о том о чем не имеешь представления! Скольких серплов ты знаешь лично? – произнес он.

– К счастью ни сколько!

– Так я и думал! – сказал Эрик будто у него в руках появился козырь, – А я, к счастью, много. И многими из этих знакомств я горжусь!

– Я тебя не узнаю!

– Я и сам себя не узнаю и жалею о том каким кретином я был, глотая все эти мифы об «ужасных и беспощадных куклах». Если бы я не знал, что помимо веселой группы тараканов в твоей голове есть еще и мозг, я бы даже не начинал с тобой этот разговор. Думай своей головой! Делай свои выводы! Живи своей жизнью, а не той, которую тебе навязали.

Мне так хотелось ответить ему что-нибудь едкое, но все аргументы вмиг закончились. Эрик, тот человек, которого я безмерно уважаю и всегда прислушиваюсь, но сейчас мой мозг и сердце отказывались идти вместе.

– Дай им шанс. Как только ты узнаешь их получше, ты поймешь, что вся эта история кажется темной и неправдоподобной.

Я молча смотрела на него, а он на меня. В горле ком стоял, не позволяя и звука произвести.

– Просто пообещай мне дать им шанс. Попробуй!

Я всегда выполняю свои обещания, а сейчас я не была уверена в том, что я смогу это сделать.

– Я не могу тебе обещать, но я попробую, – мой голос прозвучал неуверенно и почти бесшумно.

– Кейт, жизнь идет вперед, ты не хуже меня знаешь как я любил Кейла, какая дружба связывала нас. Он был удивительным человеком и достоин того, чтобы о нем помнили! Помни его и живи дальше – это то чего бы он хотел. Глупо хоронить себя. Боль, которую ты чувствуешь сегодня превратиться в силу, которую ты почувствуешь завтра. И, пожалуйста, перестань жалеть себя!!

– Я не себя жалею, я...

– Умница, малыш, – его дурная привычка называть меня малыш, так же как и перебивать, вводила меня в бешенство, – тогда одевай свою тощую задницу в джинсы и через час будь на Луне.

– Я не...

– Да, – протянул он, – ты обещала попробовать! Я буду ждать тебя там в девять. И если ты не приедешь, мне придется провести весь вечер в одиночестве. Не подводи меня, пупсик!

Я зарычала, а Эрик засмеялся и быстро отключился. Это шантаж, наглый, откровенный шантаж. Я попыталась набрать его номер еще раз и еще раз, но он был не доступен.

На «Луне»... Когда-то я бы визжала от восторга собираясь туда, это было наше излюбленное место встречи и такое недостижимое. Было до того как погиб Кейл. Попасть туда было сложнее, чем на личную встречу с президентом. Похоже, Эрик старательно выживает призраков из моей головы, используя места, где мы любили бывать вместе. Есть я и эти места, но там не Кейла. Я, пока, не научилась жить без него.

За дверью послышался скрежет. Мама деликатно постучалась.

– Да, мам! – я уже знала, что она слышала весь разговор и скорее всего принимала в этом плане активное участие.

– Ты куда-то собираешься? – с надеждой спросила она.

– Можно подумать ты не знаешь?!

Она лукаво улыбнулась.

– Эрик встречается со мной на Луне через час. Но я еще не решила встречаюсь ли я с ним.

– Конечно встречаешься! – воскликнула мама улыбнувшись еще шире. Не помню, чтобы она так старательно меня выталкивала в подобные заведения. Обычно у меня уходили часы на то, чтобы добиться ее согласия.

Ее лицо светилось и улыбка украшала лицо намечая ямочки на щеках.

– Ты позволишь мне, – спросила она присаживаясь сзади. Ее пальцы нырнули в волосы и стали аккуратно отделить пряди.

– Хм, – мама удивленно посмотрела на длину волос, – мне кажется, за неделю твои волосы отрасли на несколько сантиметров.

Я посмотрела в зеркало. Волосы действительно спустились ниже плеч. Как это возможно?

– Наверное, это те восстанавливающие витамины, которое ты пьешь.

– Скорее всего, – произнесла я задумчиво, не признаваясь, что все препараты давно были смыты в канализацию.

Мама казалась такой счастливой и собирая мои волосы в прическу, она непрерывно щебетала, а я кивала в ответ, делая заинтересованный вид, хотя мои мысли были далеки отсюда. Я думала о Маркусе. Может ли он быть подобным мне, человеческим. А если Эрик прав и они действительно такие как мы?!

– Ну вот! – вернул меня на землю мамин голос. – Ты такая красавица!

Я подняла глаза и посмотрела в зеркало. Мои глаза опять стали пронзительно голубыми и кожа снова обрела золотистый оттенок.

Я одела короткую черную юбку и тунику спускающуюся лепестками голубого пламени до середины бедра. Из-за худобы, в этой одежде, я казалась почти прозрачной. Мама еще раз поправила волнистые локоны и довольно кивнула. Посмотрим, что станет с этим шедевром после короткой поездки на флае. Именно его я выгуляю сегодня.

Схватив свою куртку я надела сапоги и мама в ужасе приоткрыла рот. Маленькая деталь в корне изменила образ забывки.

– Нет, нет и нет. Кейт, только не эта куртка!

– Люблю тебя, мам, – я быстро поцеловала ее в щеку и направилась к выходу.

Флай послушно зарычал от легкого прикосновения к кнопке. Я нажала на газ и вылетела навстречу прохладному сумеречному ветру. Скорость и жажда драйва наполняли меня неопи-сваемым чувством. Включив на полную громкость музыку, я летела вперед, под энергичный рев гитары и двигателя.

Постепенно ко мне пришла уверенность и я попробовала лавировать между глайдерами так, как это делал Кейл. Похоже на самоубийство, знаю, но именно это заставляло меня чувствовать себя живой, словно адреналин вытеснял все остальное: заполняя меня новыми ощущениями и жаждой скорости.

Дороги переплетались немислимыми вензелями друг с другом, создавая узоры над ночным городом. Я вылетела на основную трассу, поднимающуюся спиралью вдоль всех пяти ярусов и уверенно помчалась вверх. Миновав ворота четвертого, я притормозила.

Впереди виднелась серебристая сфера «Луны», распространяя мягкое свечение по всей округе. Я нервничала, и это было то состояние, которое я ненавидела.

Въездом в паркинг служил один из кратеров в нижней части. Впереди выстроилась длинная очередь из флаев и глайдеров. Они в ожидании зависли над подсвеченной аркой, попеременно мигающими огнями.

Когда доходила очередь, на руку гостей наносился знак, видимый только парковочному автомату, забирающему и возвращающему авто. Затем, все выходили на узкий металлический мост и шли к капсулам лифтов, похожих на прозрачные коконы. Они бесшумно поднимались вверх, к главному входу. Это выглядело так, будто вдоль и поперек луны снуют обтекаемые спутники.

Каждый из посетителей оставит в «Луне» большую сумму денег. Это было самым дорогим заведением во всем Обливионе, без специального приглашения сюда попасть было невозможно. Где Эрик раздобыл их, я понятия не имела, но однозначно собиралась узнать. Раньше Кейл делал поддельные пропуска, за которые можно было угодить за решетку. Но нам везло, и мы не разу не попались.

Когда дошла моя очередь, я прислонила ладонь к боковому стеклу, напротив крогера, похожего на шарик ртути. Мигнула красная вспышка, по ладони растеклось тепло. Считывая мои мысли, двери распахнулись. В современных глайдерах, были кнопки, предполагающие механическое открытие дверей и других функций, на случай сбоя в системе, но обычно все действия контролировались посредством мысли, а если быть точнее посредством электрических импульсов мозга считываемых специальным устройством. Это было похоже на код, который несла в себе каждая из них.

Само собой, даже самые современные глайдеры имели очень ограниченный диапазон. Они могли воспринимать порядка двадцати элементарных команд. Остальное все еще приходилось делать вручную.

Получив номер, я оставила свой свой глайдер и вышла на мост. Внизу мерцал четвертый округ покрытый легкой дымкой. Вдалеке виднелись силуэты агрокомплексов, находящихся за пределами Обливиона. Огромные кубы имели сотни этажей. Новейшие технологии значительно ускоряли темпы роста и созревания овощей, снабжая целый город.

Внутри ферм была контролируемая температура, освещение, влажность и даже содержание углекислого газа. Снаружи эти кубы были ничем иным как огромной солнечной батареей.

Миновав мост я вошла внутрь. Здесь стояла плотная завеса из искусственного дыма. Вспышки прожекторов: золотисто-белые, оранжевые и розовые, мельтешили над танцполом. Из серебристых клубов дыма периодически возникали фигуры подростков одетых в разноцветные одежды – на их телах сверкал пот. Некоторые из них были практически голыми, щеголяя по клубу в экзотических нарядах: тонкие полоски ткани и резины; металлические сетки, похожие на древние кольчуги, не скрывавшие абсолютно ничего или модные сейчас кипенсы-комбинезоны из эластичного материала, на ощупь напоминающего кожу. Они были с принтами

диких животных или просто диких людей, имитирующих красивое голое тело. Вроде бы ты одет, но выглядишь обнаженным – кроме чувства отвращения подобные модники у меня не вызывали ничего.

Музыка на «Луне» всегда была отличной, от которой просто улетаешь. Она гроыхала так, что вместе в басами сотрясались все внутренности, девицы вскидывали кверху руки и крутили бедрами, их длинные локоны разлетались и разные стороны цепляя меня, пока я шла сквозь зал. Раньше мне казалось, что это мое воображение рисует передо мной странные картины, но теперь я знала наверняка, что могу чувствовать человеческую, бьющую через край жизненную энергию физически. Как мизерные электрические импульсы пробегающие сквозь тело. От кого то меньше, от кого то больше. Каждый человек имел свой индивидуальный, это можно сравнить с запахом или отпечатками пальцев.

В местах массового скопления людей ее было так много, что я не всегда выдерживала долгое время. Конечно, своими маленькими секретами я не делилась, после одной попытки намекнуть Кейлу я сдалась. Он подумал я шучу, но так даже лучше.

В следующее мгновение я замерла. Не могу сказать, что определенно заставило меня обернуться, но я почувствовала это затылком. Позади меня, в нескольких метрах, стояли те самые странные парни из университета. Я не могла спутать, у каждого из них, еще в тот раз, я заметила маленький знак на шее в виде буквы «V» и шрам над губой у того, что был меньше ростом. Я озадаченно смотрела на них, ощущая идущую от них опасность нутром.

Возможно, было глупо предполагать, что они следят за мной: я всего лишь семнадцатилетняя девчонка из третьего округа. Во мне не было ничего примечательного, за исключением того, что я с грандиозным успехом ломала всю электронику, даже не притрагиваясь к ней и чувствовала от людей импульсы электричества.

Вдруг на меня навалилась пьяная девица, цепляясь за мои руки влажными ладонями. Меня чуть не вырвало от запаха пота и алкоголя. Хуже серплов, могут быть только пьяные серплы. Я с отвращением отдернула руку и оттолкнула ее, отступая назад, я снова стала искать глазами тех странных парней. Что им нужно от меня?! Пробежав глазами по танцполу, оставив взгляд на каждом лице, я увидела одного из них – он мелькнул и исчез в дымке.

Прожектора попеременно перемигивались, сменяя полную тьму и яркий свет. Я решительно ввинтилась в толпу случайно задев танцующую рядом пышнотелую блондинку в ярко розовом комбинезоне.

– Эй! Смотри куда прешь! – крикнула она и смерила меня раздраженным взглядом.

– Ой, прости, пожалуйста. – извинилась я и пошла дальше.

От духоты, громкой музыки и вспышек света начала кружиться голова.

Наконец, я заметила их. Двое брюнетов, одетые во все черное, остановились у той самой двери с надписью «посторонним вход воспрещен». Один из них повернулся. Заметив меня он ухмыльнулся, бегло сказал что-то второму и вынул из кармана маленький предмет. Тот, что был ближе ко входу, повернул ручку и оба скрылись за дверью.

Я быстро зашагала вперед, вырвавшись из конвульсирующей массы подростков. Кожу покалывало от напряжения, все зудело от липнувшей к телу одежды и волос. Добравшись до двери, я с нетерпением потянула ручку. Дверь приоткрылась, на мгновение мелькнули стулья поставленные один на другой, коробки сваленные на полу и полки заставленные бутылками и прочей всячиной. Я перевела дыхание, оглянулась назад: никто даже не заметит и шагнула внутрь.

Chapter four

The Dark Side of the Moon

– Кейт! – окликнул меня голос сзади. Я бросила взгляд внутрь темной комнаты, там, в полумраке мелькнула тень. Недовольно вздохнув, я захлопнула ее и повернулась. Знакомых в «Луне» было предостаточно, так что я не удивилась, когда услышала свое имя.

Из облаков цветного дыма вышел Маркус. Сейчас, он больше, чем когда бы то ни было походил на божество. Его плавные движения завораживали, роскошные синие глаза отражали огни прожекторов, волосы казались серебристыми и искорки света сверкали вокруг его головы, как ореол. Черная рубашка плотно облегла торс. На красивых запястьях блестели часы и черные браслеты. На его шее висел тонкий кожаный шнурок с подвеской в виде солнца и куском янтаря внутри.

Подходя ближе, он улыбнулся. Даже сквозь запахи дыма и пота, я почувствовала его аромат.

– Что ты здесь делаешь? – прищурил он глаза и покосился на дверь.

– Могу тебя спросить о том же, – опять съязвила я.

– Дело в том, что, эээ, – Маркус посмотрел на меня с легким прищуром, словно хотел, что-то сказать и передумал, – Эрик пригласил меня.

Я знала, что Эрик что-то задумал. Но такое!

– Как раз искала его, – ответила я и вздохнула оглядываясь на дверь.

– Здесь? – с сомнением в голосе спросил Маркус, – в кладовке? – голос Маркуса был едва различим среди общего шума, и он придвинулся ближе.

– Да. Он знаешь ли большой любитель кладовок! – сказала я на ходу, направляясь вглубь зала. И в этом была доля правды. Иногда вечеринки для Эрика заканчивались в подобных помещениях с очарованными им девушками.

Маркус поравнялся со мной и улыбнулся.

– Выглядишь убийственно, – произнес он почти мне на ухо, от чего я покрылась мурашками.

«Себя то видел» – пронеслось в голове и я сразу мысленно ущипнула себя.

Мы миновали танцполы и поднялись в оранжевую зону. Почему она называлась оранжевой оставалось загадкой. Здесь не было ничего одноименного цвета. Небольшие комнаты отведенные для отдыха располагались по правой стороне, слева были выходы на балконы, из которых открывался вид на танцполы и бар, здесь же стояли диваны и столы. Мы миновали шесть дверей, на каждой из которых был нанесен особый символ и остановились у седьмой.

Я зашла внутрь и как только глаза привыкли к полумраку, увидела Эрика в компании рыжеволосой красотки. Они сидели на белом диване, рядом друг с другом и держались за руки.

– Я думал ты заблудилась! – воскликнул Эрик вставая мне навстречу.

– Примерно так и было, – ответила я ощущая на себе взгляд Маркуса.

Эрик нежно взял девушку за руку и торжественно произнес:

– Познакомься! Это Эмма!

Я взглянула на нее и окаменела. Эмма была типичным серплом, без всяких сомнений. Янтарные большие глаза, копна огненно рыжих вьющиеся волос и тонкие черты овального лица. Ее кожа была светлой, почти белой, цвета сливок. из-под зеленого платья выглядывали длинные стройные ноги. Эрик упоминал ее, несколько раз. Кейл познакомил их незадолго до аварии, но ни один из них и словом не обмолвился о том, что она серпл.

Передо мной снова все закружилось, словно, как только я нащупывала твердь под ногами, ее тут же выбивали.

– Садись, – Эрик потянул меня за руку увлекая на диван.

Я осталась стоять, а Маркус присел напротив. Я почувствовала, как меня захлестывает ярость: в висках стучал пульс, горячий поток лавой заструился по венам. Он сидел в каком-то метре от меня. Из-под подвернутых рукавов рубашки виднелись его руки, с прорисованными под кожей мускулами и линией вен. Он глядел на меня в упор, изучающе, и мне даже показалось, что на его губах есть намек на улыбку. Он что смеется надо мной? В душе зародилось неприятное чувство. Стало гадко, от того, что Эрик так поступил со мной. Единственным желанием было испариться из этого места.

– Что с тобой? – Эрик заметил, что я неотрывно смотрела в одну точку, – на тебе лица нет! Расслабься, малыш. Ты ведь для этого пришла.

– Я думала у тебя более важная причина, притащить меня сюда.

– Так и есть, – невозмутимо ответил Эрик откидываясь назад на спинку дивана, – я хотел познакомить тебя с моей невестой.

– Невестой, – едва повторила я, внутри все похолодело. Не то чтобы это было мое дело, но она была всем серплам серпл!!

Боже! Мне кажется я потеряла равновесие и упала задом на диван. Я чувствую, что нахожусь на грани.

– Это неожиданно, – как можно спокойней произнесла я. Я вообще думала, что Эрик никогда не женится, а вот оно что, он, оказывается, был в очень, очень активном поиске совершенства. Еще раз посмотрев на нее я и вправду подумала, что она совершенна, настолько красивой была Эмма.

– Я подумала, что ты хочешь поговорить со мной, – приобретая способность говорить сказала я. Мои пальцы впивались в мягкую обшивку дивана.

– О чем ты?! – возмутился Эрик, – мне казалось мы обсудили это по телефону. Вытирать твои сопли я не собираюсь. Хочешь жалеть себя, вперед! Прошло почти пол года и, если честно, мне давно хочется выбить из тебя всю эту хрень.

На этом стоит остановиться. Я поднялась.

– Эмма, Маркус, – сухо сказала я, – приятно было с вами познакомиться, – конечно, мои слова прозвучали неубедительно, но это лучшее на что я была способна.

– Сядь! – холодно и по чужому произнес Эрик, словно отдавая приказ. Его слова зазвенели у меня в голове.

– Мне нужно идти, – почти прошипела я.

– В чем проблемы? – Эрик всплеснул руками.

– Проблемы?! – я гневно обвела его взглядом. – У меня одна проблема! Это серплы! И здесь их двое, по твоей милости!

Маркус посерел, до того ему не понравились мои слова. Неужели попался настолько тупой серпл, что с первого раза не понял.

Я неохотно взглянула на него, испытывая противоречивые чувства. Его синие глаза были сосредоточены на мне. Они контрастировали со светлыми волосами, его гладкой кожей, легким румянцем по всей линии скул. Я видела его красоту, причем, это была не только внешняя привлекательность. Его взгляд был особым, глубоким и добрым, и я чувствовала его импульсы ярче чем от других. Они обволакивали меня словно паутина, заставляя трепетать. Это ужасало меня.

Я сидела приоткрыв рот, чувствуя, что еще секунду и моя голова расколется пополам. Собравшись с силами, я произнесла.

– Так вы позвали меня вручить приглашение на свадьбу?

Эрик молчал, просто прожигал меня взглядом.

– Не могу поверить, люди и серплы – это не возможно...

– Кто это сказал? – раздраженно произнес Эрик.

- Я не знаю, – вопрос застал меня врасплох, – кто-то. Да это не важно!
- Это важно, потому что мир, в котором мы живем, совсем не такой, как нас учат. Мы не враги друг другу.
- Слушай, Эрик, если ты сходишь с ума, это твои проблемы. Она даже не человек!! Эмма поперхнулась, у Маркуса вообще глаза на лоб полезли.
- А кто она?! – прорычал Эрик. Я первый раз видела его действительно злым.
- Серпл, – мой голос звучал как хруст сухих веток.
- Твой дед был черный и что с того?!
- Действительно, и что с того? – меня возмутило это замечание, мой дедушка, по отцовской линии, действительно имел африканские корни, от него мне достался бронзовый оттенок кожи.
- Люди бывают разные – черные, белые, азиаты и серплы тоже люди. Кто-то выдумал эту байку и старательно ей нас кормит.
- Может действительно вам стоит поговорить наедине, – произнесла Эмма тонким голосом, похожим на колокольчик. Неужто она и говорить умеет!
- Прости Кейт, я не хотела ранить твои чувства, после всего, что тебе пришлось пережить.
- Она поцеловала Эрика и поднялась в попытке уйти, но Эрик крепко взял ее за руку.
- Ты останешься.
- Замечательно, – выплюнула я, – значит уйду я.
- Услышь меня, пожалуйста! Ты знаешь, ты нужна мне, твоя поддержка, понимание. Где та Кейт, которую я знаю: добрая, открытая и самоотверженная. Моя Кейт!!
- Грусть сковала мое сердце.
- Не знаю где она. Та Кейт сгорела вместе с Кейлом.
- Неловкая пауза длилась кажется вечность.
- Не думаю, что вам нужно мое благословение! Ты мой лучший друг и ты знаешь, как я люблю тебя, мне совсем не хочется наговорить тебе, – я задержала дыхание пытаясь произнести ее имя как можно мягче, – и Эмме гадостей, мне лучше уйти, правда.
- Уж если быть откровенным, то твое благословение мне бы не помешало, – Эрик широко улыбнулся, резко придвинулся ко мне и схватил меня в охапку. Я с трудом могла сделать вдох.
- Ты меня задушишь, – злобно прошипела я, – ты невоспитанная горилла. Я попыталась вырваться. Руки Эрика, напоминавшие ковши от экскаватора, сжали меня еще сильнее. Эмма испуганно вздохнула.
- Остановись, ты ломаешь ей чтонибудь!
- Может она и кажется хрустальной, да только мало кто догадывается, что сделана она из гораздо более прочного материала, – он схватил мое лицо ладонями и поцеловал в губы.
- Идиот, – я скривилась, вытирая рот рукой, – от тебя мерцадом несет!
- Оставь ее, – вежливо, но требовательно попросил Маркус вставая.
- Это еще сильнее разозлило меня. Защитники нашлись. Эрик засмеялся.
- Скажи им, малыш, кто был главным хулиганом и заводилой во всем округе? Кейт! Ее природа так задумала: нежную и хрупкую, словно фарфоровую статуэтку, чтобы вводить противников в заблуждение. – Да, Кейт?! – он растрепал мне волосы. Из груди вырвался рык, он знает, что я ненавижу когда трогают мои волосы! Вот это уже слишком.
- Не напрашивайся на неприятности, – проговорила я без тени шутливости и толкнула его острым локтем в бок. Он крякнул и засмеялся.
- А если я хочу неприятностей, – Эрик еще раз прошелся ладонями по моим волосам и тут же сдавленно вскрикнул убирая руки. Я в недоумении посмотрела на него, а Эрик на меня.
- Ты меня током ударила, – возмущенно произнес он.

– Не мудрено, ты терся об мои волосы – это статическое электричество. Эрик прищурил глаза, а я сжала руку в кулак и ударила его в плечо.

– Ох, – наиграно заскулил он, – так темно. Этот удар был смертельным. Поцелуй меня перед смертью...

Я не сдержала улыбку.

– Чем ты старше, тем глупее твои выходки.

Эрик схватил с тарелки булку и запустил в меня. Мягкая сдоба угодила прямо в лоб. Он залился громким смехом и стал хлопать ладонями по коленям.

– Доешь макаронки! – громко сказала я и схватила его голову и, пока он наклонился, окунула его носом в тарелку с пастой. Он засмеялся еще громче, издавая хрюкающие звуки. Теперь Эмма увидит за кого она собралась выходить замуж!

– Так-то лучше! – Эрик стер с носа соус и облизал пальцы.

Круглая середина стола выпускающая клубы лилового дыма беззвучно поднялась вверх и оттуда клубами пошел лиловый дым. Он пах миндалем и вишневым джемом – запах мерадона.

– Мерадон, – прошептала я не веря своим глазам, – это запрещено!

– Ага, – ответил Эрик с набитым ртом, – специально для тебя! И потом, когда это тебя останавливало?!

На одно, мимолетное мгновение, мне стало страшно. От Мерадона у меня отказывают тормоза. Все самые веселые вечеринки начинались и заканчивались им. После небольшой дозы мой мозг разжижается, а задница начинает активно искать приключений. И это совсем не входило в мои сегодняшние планы. Моя голова нужна мне светлой... новая порция Мерадона опять выпорхнула лиловым дымком разлетаясь вокруг.

– Эрик! Ты же знаешь...

– Еще как знаю, малыш. Наслаждайся!

О нет! Нет, нет и еще раз нет, и миллион раз да! Моя вся тревога моментально исчезла не оставляя и следа. Мерадон начал действовать, заполняя сознание и уничтожая все страхи. В ногах, руках, во всем теле появилась невероятная легкость. Лица Маркуса и Эммы больше не казались мне отвратительными, даже наоборот. Маркус был восхитительным. Я никогда прежде не замечала насколько он красивый. Каждая черта его лица была идеальной: линия скул, позолоченная мягким светом; сливочный оттенок кожи и губы; такие губы, которые хочется попробовать на вкус. Музыка доносившаяся с низу была мелодичной. Мне захотелось танцевать, захотелось обнять Эрика и Маркуса и даже Эмму.

На серебристом диске, медленно вращавшемся против часовой стрелки, лежали кусочки Горького шоколада с чили. Мой любимый.

– Хоть это ты не забыл заказать, мой любимый шоколад! – произнесла я потянувшись за кусочком.

– Я? Да я бы в жизни не заказал эту гадость. Черный шоколад еще и с перцем, уа, – Эрик поморщился. Это Маркус любитель экстрима.

– Обожаю его – сладкий и обжигающий, – ответил Маркус и потянулся за ним. Наши руки соприкоснулись и меня окатило волной, словно между нами пробежала искра. Это ощущение было новым, ничего подобного прежде я не испытывала. Я улыбнулась вернувшись на свое место.

– А меня всегда высмеивали за безвкусицу.

– Да? – Маркус с улыбкой посмотрел на Эрика, который со скоростью пылесоса засасывал водоросли и запивал их клубничным коктейлем. Эмма нажала кнопку и из недр стола выплыл шар, раскрываясь подобно бутону. Из него разлетелись разноцветные шарики размером с крупную вишню и начали парить вокруг. Коктейли. Я поймала пару и отправила в рот.

Маркус привстал и потянулся за одним. Его рубашка приподнялась чуть обнажив красивый рельефный живот с голубым драконом. Голубой дракон! На секунду я даже дара речи

лишилась! Это был тот самый дракон из моего сна, только вытатуированный на идеальной коже Маркуса. Я не могла оторвать от него взгляд, просто пялилась на его живот. Эрик, поймав мой взгляд, хитро заулыбался. Я скривилась. Петикантроп! Все о своем. Эрик явно был доволен собой, хотя я не помню и дня, чтобы он был недоволен собой. За что я только люблю, той самой любовью, которой сестра привязана к брату? В каком-то роде Эрик моя лучшая подруга.

Маркус продолжал ловко ловить коктейльные шарики, они переливались, будто это были драгоценные камни и один за одним исчезали у него во рту. Все его движения были грациозными, плавными. Я заморожено смотрела, как его губы вытягивались, чтобы поймать шар и смыкались на нем.

– Помнишь наше последнее путешествие? – вдруг спросил Эрик, наверное решил увести мои мысли в другое русло. Я подняла на него глаза и сглотнула ожидая что будет больно, но ничего не почувствовала.

– Кейт решила устроить пикник в лесу и потащила нас в Вайоминг! В какой-то бриджи... миджи...

– Бриджер-титон! (Еллоустоунский заповедник), – поправила его я.

– Да какая разница. Эта дыра забытая всеми!

– Это один из самых красивых заповедников!!! Конечно, там не бегают табунами длинноногие красотки и никто не нюхает мерадон! Что ты ожидал там увидеть? Гарем мулаток в бикини с опахалами в руках? Это рай с бескрайними лугами, чистыми озерами и высокими горами.

– Это хреновая тайга с колючими кустами, ядовитыми ягодами и высоченными елками. А твои луга были усеяны огромными колючками, коровьими лепешками и козьими кашками! Эти колючки я потом доставал даже из белого чехла от известного дизайнера для хранения выпуклых частей моей репродуктивной системы, – последнее он почти выкрикнул высоким тенором, – мне даже нечем было вытереть зад, после тех красивых голубеньких ягодок!!!

Я засмеялась.

– Там были козлы вот с такими рогами, – он широко раздвинул руки, – бешенные гризли и обжорливые задолбалы.

– Барибалы (черный медведь)! Это был барибал.

– Меня так задолбали эти барибалы, так что пускай будут задолбалы. А еще упомяну о голодных пумах и озверевших москитах размером с жирную чайку. Ах да, забыл про койотов и волков, хотя какая разница между ними? Вечно голодные всеядные псины.

– Они живут своей жизнью, это их дом.

– Они сожрали наш ланч!!!

– Ты тоже у них кое-чем угостился.

– Ууу! – Эрик болезненно замычал. – Боже, я думал, что я никогда не вылезу из тех кустов.

– Я тебя предупреждала, не следовало есть те ягоды!

– А я был голодный!!! После четырех часов блуждания по лесу я был готов съесть свои трупы!!!

– Самое всеядное существо в нашей галактике – это ты! Трусами меня не удивишь.

Эмма с улыбкой слушала нас.

– Долго туда лететь?

– Экспресс домчал нас за час с лишним, – ответила я.

Эрик согласно кивнул.

– Экспресс понравился мне больше всего. Там вкусно кормили.

– Ты не исправим. Мы ехали в одно из немногих мест, которое осталось нетронутым, а ты был занят мыслями о еде. Все эти города, разрезающие небеса, растут выше и выше. Многие

уже давно скрылись за облаками. Большая часть людей никогда не спускалась на землю. Они не знают, что это, какая энергия кроется там!

– Расскажи еще, я никогда не бывала в таких местах, – Эмма поджала ноги устроившись поудобнее. В ее руках была тарелка с апельсиновым пудингом.

– От свежего воздуха кружилась голова, он был такой...

– Холодный и мокрый! – вставил Эрик, – она заставляла нас ходить пешком!!!! Пока глайдеры были рядом.

– Ты и здесь постоянно из глайдера не вылезает. Когда бы ты еще свои батоны размял?! Такое единение с природой.

– Если считать, что она имела меня по полной, то это, определенно, можно назвать единением!

– А какие там достопримечательности? – Эмма не на шутку загорелась идеей. Она поглаживала руку Эрика своими длинными пальцами, похожими на руки пианиста.

– Мы побывали у озера Йеллоустон. Это одно из самых больших высокогорных озер, расположенное в центре кальдеры – самого большого супер вулкана на континенте!!

– Нашла чем удивить! Гигантской пукалкой, что извергает газы пару раз в миллион лет. Меня так извергает после мексиканского фасолевого супа, что я могу звонко пропукать гимн Соединенных Штатов Америки! – горделиво сказал Эрик, – вот гейзерные поля были прикольными. Тепленько! А потом Кейт все испортила!

Я приоткрыла рот от возмущения.

– Увидела какую-то гору и, говорит, давайте кто быстрее на нее заберется и как бросилась с Кейлом наперегонки, я едва за ними успевал.

Я вспомнила как пересеклись наши взгляды, когда мы ее увидели.

Сейчас Эрик шутливо ворчит, но на самом деле, тогда он первый бросился с грацией бизона покорять скалу. Мы были словно один организм, мы жили друг другом, читали друг друга.

– Конечно, Кейт добежала самая первая, она так быстро по камням скакала, ну как коза, – я шлепнула его по выпуклому животу, Эрик ахнул, – ну хорошо, антилопа! Схватила за уступ и поползла вверх, мы с Кейлом только рты приоткрыли.

– Я старалась не смотреть вниз, лететь было высоко и падать жестко – внизу лежали груды камней.

– Но в этом и была вся прелесть! – Эрик приобнял Эмму за плечи.

Эмма неодобрительно покачала головой и метнула взгляд на Эрика.

– А что я! Это она главный подстрекатель!!! С нее и спрос!

– Жизнь хрупкая и некоторые ошибки исправить уже нельзя. Ее уже не починишь, не вернешь. Человек или есть, или нет.

Кажется мое сердце пропустило удар. Кажется Мерадон перестал действовать.

– Кейт, – прошептал Эрик заметив навернувшиеся слезы, – все будет хорошо, малыш.

Вот ведь черт, я ненавидела слезы! И еще больше ненавидела показывать свою слабость.

– Что может быть хорошего после того, что случилось?

– Твои выводы, которые, возможно, спасут тебе жизнь, – ответила Эмма.

Я предпочла промолчать.

Маркус наблюдал за нами с дивана. Выражения его глаз разобрать было невозможно, но мне показалось он выглядел расстроено.

Я задумалась, почему я так поступала, почему я бросала вызов судьбе? В поисках чего? Внутри меня была пустота, где-то в душе, и я не могла ее ничем заполнить. Все радости были мимолетными, так же как и адреналин наполняющий меня силой. Сейчас я понимала, что это временная анестезия для болезни под названием жизнь. Как пробоина в стене. Ее можно заделать, а можно прилепить яркий постер и сделать вид, что и так сойдет. Но пустоты от этого

меньше не станет. И мне захотелось понять, что же на самом деле должно ее заполнить? В чем человеческое счастье?!

Маркус наклонился в мою сторону и дотронулся до моей руки, и я не сразу поняла, что его пальцы обхватили мои. Его ладонь была теплой, а прикосновение нежным. Наши взгляды пересеклись, и я застряла в целой галактике, меня буквально затягивало внутрь бесконечной синевы.

– Пустота есть в душе каждого человека. – произнес он. Его голос был словно бархат, мягкий и обволакивающий, – Может это и есть одно из предназначений, найти того, кто наполнит светом твою душу. Заполнит эту пустоту внутри тебя. Может поэтому и говорят: «найти вторую половинку». Потому что без нее ты лишь часть чего-то важного.

В его глазах мерцали золотистые песчинки – это было похоже на песчаную бурю. Я никогда не замечала насколько они красивые. Маркус был немного отстраненным в этот момент. Мне пришлось хорошенько себя встряхнуть, чтобы выбраться из-под его чар. Он специально норовит проникнуть в самое сердце, так легче нанести удар! Добрый он гораздо опаснее, чем злой. Маркус серпл – это все о чем я должна помнить!

– Зенон Китийский собственной персоной!

Я покачала головой и улыбнулась от этого сравнения.

– Тогда тебя бы я сравнила с Эпикуром!

– Господь с тобой, – ужаснулся Эрик! Бедный чувак, кто же его назвал то так?! Сутенерское имечко!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.